

ЖУРНАЛ

7•1998

МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

7 • 1998

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Рождество Твое, Христе Боже
наш, возсия мирови свет разума,
в нем бо звездам служащии
звездю учахуся Тебе кланяться,
Солнцу Правды, и Тебе ведети
с высоты востока.
Господи, слава Тебе!

Содержание «Журнала Московской Патриархии»

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ	Определения Священного Синода	4
	Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 80-летию убийства Императора Николая II и его Семьи	11
ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ	Служения Святейшего Патриарха Алексия	14
	<i>О. К.</i> Освящение часовни Святителя Николая в Николо-Угрешском монастыре	17
	<i>О. Кирьянова.</i> «Священную двоицу просветителей наших почтим...»	18
	<i>В. С.</i> 200 лет храму Мартина Исповедника в Москве	21
<i>Новомученики и исповедники Российские</i>		
	<i>Иеромонах Дамаскин (Орловский).</i> Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого)	23
	<i>Н. Кокухин.</i> Невеста Христова. Путешествие в монастырь вели- комученицы Марины	44
<i>Из жизни епархий</i>		
	<i>А. Арендаренко.</i> «И церкви белая свеча не гаснет на ветру...» . . .	54
ИЗ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВИЯ	Избрание и интронизация нового Предстоятеля Польской Православной Церкви	59
	Очередное заседание Освященного Архиерейского Собора Сербской Православной Церкви	60
БОГОСЛОВИЕ	Консультативная встреча в Дамаске	61
	<i>С. Пушкарев.</i> Историография старообрядчества	62
	<i>Г. Вернадский.</i> История Церкви	72
	<i>А. Осипов.</i> Единство и многообразие в жизни Церкви	75
ЦЕРКОВНАЯ МУЗЫКА	Тропарь Почаевской иконе Божией Матери	79

Адрес редакции: 119435, Москва, ул. Погодинская, 20

Обложка:

на первой полосе:

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове в Москве

на второй полосе:

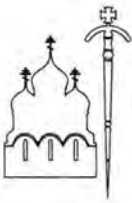
Крестный ход из Московского Кремля к памятнику учителям
Словенским Кириллу и Мефодию. 24 мая 1998 года

на третьей полосе:

Освящение часовни Святителя и Чудотворца Николая
в Николо-Угрешском монастыре. 22 мая 1998 года

на четвертой полосе:

Иоанно-Предтеченский храм в Ярославле

Contents of the Journal of the Moscow Patriarchate

OFFICIAL INFORMATION	Decisions of the Holy Synod	4
	Message by His Holiness Alexy II, Patriarch of Moscow and All Russia, and by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church on the occasion of the 80th Anniversary of the Assassination of Emperor Nicholas II and his Family	11
CHURCH LIFE	Services Conducted by His Holiness Patriarch Alexy II	14
	Consecration of the Chapel of St. Nicholas at the Monastery of St. Nicholas of Ugresh...by <i>O. K.</i>	17
	«Let us glorify our two holy Enlighteners»... by <i>O. Kiryanova</i>	18
	The 200 th Anniversary of the Church of St. Martin the Confessor in Moscow by <i>V. S.</i>	21
	<i>New Martyrs and Confessors of Russia</i>	
	Archbishop Hilarion (Troitsky)' s Life by <i>Hieromonk Damaskin (Orlovsky)</i>	23
	<hr/>	
	The Bride of Christ. The Journey to the Convent of the Holy Martyr Marina by <i>N. Kokukhin</i>	44
	<i>In the Dioceses</i>	
	«The wind will never extinguish a white candle in church» by <i>A. Arendarenko</i>	54
IN ORTHODOX CHURCHES	Election and Enthronement of the New Primate of the Polish Orthodox Church	59
	Regular Assembly of the Consecrated Bishops' Council' of the Serbian Orthodox Church	60
	Consultative Meeting in Damascus	61
THEOLOGY	Historiography of the Old-Believers by <i>S. Pushkarev</i>	62
	Church History by <i>G. Vernadsky</i>	72
	Unity and Variety of Church Life by <i>A. Osipov</i>	75
CHURCH MUSIC	Troparion to the Holy Virgin's Icon of Pochaev	79

Editorial and Subscription office: 119435, Moscow, Pogodinskaya, 20

The front cover:	The Church of the Holy Virgin's Protecting Veil at Izmailovo in Moscow
The inside cover:	The procession with the Cross from the Moscow Kremlin to the monument to Sts. Cyril and Methodius, the Teachers of the Slavs. May 24, 1998
The back inside cover:	The Consecration of the Chapel of St. Nicholas at the Monastery of St. Nicholas of Ugresh
The back cover:	The Church of St. John the Baptist in Yaroslavl

Определения Священного Синода

В заседании Священного Синода 9 июня 1998 года под председательством Патриарха

Имели суждение о предстоящем захоронении 17 июля сего года в Санкт-Петербурге «екатеринбургских останков».

Постановили: 1. Подтвердить позицию Церкви, выраженную в Определении Священного Синода от 26 февраля сего года, в котором, в частности, говорится: «Оценка достоверности научных и следственных заключений, равно как и свидетельство об их незыблемости или неопровержимости, не входит в компетенцию Церкви... Решение Государственной комиссии об идентификации найденных под Екатеринбургом останков, как принадлежащих Семье Императора Николая II, вызвало серьезные сомнения и даже противостояния в Церкви и обществе... В связи с этим Священный Синод высказывается в пользу безотлагательного погребения этих останков в символической могиле-памятнике. Когда будут сняты все сомнения относительно «екатеринбургских останков» и исчезнут основания для смущения и противостояния в обществе, следует вернуться к окончательному решению вопроса о месте их захоронения».

2. Учитывая вышеизложенное, считать невозможным участие в захоронении «екатеринбургских останков» Предстоятеля Русской Православной Церкви или любого иного иерарха.

3. Имея в виду поступающие в адрес Священноначалия просьбы о сопровождении захоронения подобающими церковными действиями и памятуя о

том, что Церковь в совершении подобных действий никогда и никому не отказывает, благословить Преосвященному митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Владимиру направить клириков из числа подведомственного ему духовенства для совершения 17 июля сего года панихиды в соборе святых апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

Имели суждение об исполняющемся 17 июля сего года 80-летию со дня страстотерпческой кончины Императора Николая II, членов его Семьи и их верных слуг.

Постановили: 1. В ознаменование 80-летия страстотерпческой кончины Императора Николая II, членов его Семьи и их верных слуг совершить в храмах Русской Православной Церкви панихиду с возношением молитвы «о упокоении душ усопших рабов Божиих убиенных Государя Императора Николая Александровича, супруги его Александры Федоровны, чад их Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии, Алексия, верных слуг их и всех в годину лютых гонений за веру Христову, умученных и убиенных, их же имена, Господи, Ты Сам веши».

2. В связи с этой скорбной датой обратиться с Посланием Священного Синода к Полноте Русской Православной Церкви.

Слушали: Рапорт Преосвященного епископа Барнаульского и Алтайского Антония об освобождении иеромонаха Силуана (Баранова) от обязанностей наместника Казанского мужского монастыря с. Коробейниково Усть-Пристанского района Алтайского края и о назна-

Заседание Священного Синода Русской Православной Церкви 9 июня 1998 года

чении на эту должность игумена Всеволода (Баранова).

Постановили: 1. Освободить иеромонаха Силуана (Баранова) от обязанностей наместника Казанского мужского монастыря с. Коробейниково Усть-Пристанского района Алтайского края.

2. Утвердить игумена Всеволода (Баранова) наместником Казанского мужского монастыря с. Коробейниково Усть-Пристанского района Алтайского края.

Слушали: Прошение Преосвященного епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона об открытии монастырей для возрождения в них монашеской жизни.

Постановили: 1. Благословить открытие Преображенского мужского монастыря в городе Каменск-Уральском.

2. Благословить открытие Покровского женского монастыря в городе Камышлове.

3. Благословить открытие Скорбященского женского монастыря в городе Нижнем Тагиле.

4. Благословить открытие Казанского мужского монастыря в городе Нижнем Тагиле.

Слушали: Прошение Преосвященного архиепископа Алма-Атинского и Семипалатинского Алексия о преобразовании Богородице-Рождественского храма г. Караганды (Республика Казахстан) в Рождественский Карагандинский женский монастырь.

Постановили: 1. Благословить преобразование Богородице-Рождественского храма г. Караганды в Рождественский Карагандинский женский монастырь.

2. Утвердить монахиню Севастиану (Жукову) настоятельницей Рождественского монастыря в городе Караганде с возложением наперсного креста по должности.

Слушали: Прошение Преосвященного архиепископа Алма-Атинского и Семипалатинского Алексия о преобразовании Петропавловского храма г. Павлодара (Республика Казахстан) в Петропавловский Павлодарский женский монастырь.

Постановили: 1. Благословить преобразование Петропавловского храма г. Павлодара в Петропавловский Павлодарский женский монастырь.

2. Утвердить монахиню Агнию (Иванову) настоятельницей Петропавловского женского монастыря в г. Павлодаре с возложением наперсного креста по должности.

Слушали: Прощение Преосвященного митрополита Кишиневского и всея Молдовы Владимира о благословении произвести перемещения и назначения в монашеских обителях.

Постановили: I. Утвердить настоятелем Свято-Троицкого мужского монастыря в с. Рудь Дондюшанского района Республики Молдова архимандрита Доната (Бобуэтрын).

Справка. Монастырь был открыт постановлением Священного Синода от 10 июня 1992 года.

II. 1. Освободить архимандрита Артемия (Бокша) от должности настоятеля Свято-Успенского мужского монастыря в с. Цигэнешть Страшенского района Республики Молдова.

2. Утвердить настоятелем Свято-Успенского мужского монастыря в с. Цигэнешть Страшенского района Республики Молдова иеромонаха Иринарха (Костру) с возложением наперсного креста.

III. 1. Освободить иеромонаха Андрея (Янчишина) от должности настоятеля Свято-Успенского мужского монастыря в с. Ципово Резинского района Республики Молдова.

2. Утвердить настоятелем Свято-Успенского мужского монастыря в с. Ципово Резинского района Республики Молдова игумена Антима (Тудос).

IV. 1. Освободить иеромонаха Варфоломея (Сырбу) от обязанностей духовника Петро-Павловского женского скита в с. Боканчя Сынжерейского района Республики Молдова.

2. Утвердить духовником Петро-Павловского женского скита в с. Боканчя Сынжерейского района Республики Молдова иеромонаха Пахомия (Жугэнару).

Слушали: Ходатайство Преосвященного митрополита Кишиневского и всея

Молдовы Владимира о благословении на открытие монашеских обителей.

Постановили: I. 1. Благословить открытие Свято-Георгиевского мужского монастыря в с. Злоць Чимишлийского района Республики Молдова.

2. Утвердить настоятелем обители архимандрита Товию (Бобок).

II. 1. Благословить открытие Свято-Покровского мужского монастыря в с. Косэуц Сорокского района Республики Молдова.

2. Утвердить настоятелем обители архимандрита Иеронима (Палий).

III. 1. Благословить открытие женского монастыря в честь святых жемироносиц Марфы и Марии близ села Хаджимус Каушанского района Республики Молдова.

2. Утвердить настоятельницей женского монастыря в честь святых жемироносиц Марфы и Марии близ села Хаджимус Каушанского района Республики Молдова монахиню Евфросинию (Пештерян) с возложением наперсного креста по должности.

Слушали: Ходатайство Преосвященного архиепископа Орловского и Ливенского Паисия об открытии Свято-Успенского мужского монастыря в г. Орле.

Постановили: 1. Благословить открытие Свято-Успенского мужского монастыря в г. Орле для возрождения в нем монашеской жизни.

2. Утвердить наместником Свято-Успенского мужского монастыря в г. Орле иеромонаха Корнилия (Головкова) с возложением наперсного креста по должности.

Слушали: Ходатайство Преосвященного архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского Владимира о преобразовании подворья Свято-Троицкого Никольского монастыря при Покровском храме в г. Солдатский (Республика Узбекистан) в Свято-Покровский женский монастырь.

Постановили: 1. Благословить преобразование подворья Свято-Троицкого Никольского монастыря при Покровском храме в г. Солдатский (Республика Узбекистан) в Свято-Покровский женский монастырь.

2. Утвердить настоятельницей Свято-Покровского женского монастыря в г. Солдатский (Республика Узбекистан) монахиню Епистимию (Ельменову) с возложением наперсного креста по должности.

Слушали: Прощение Преосвященного епископа Уфимского и Стерлитамакского Никона об открытии Богородице-Табынского женского монастыря (в честь Табынской иконы Божией Матери) в п. Красноусольский Гафурийского района и о переводе в этот монастырь насельниц Крестовоздвиженского женского монастыря.

Постановили: 1. Благословить открытие Богородице-Табынского женского монастыря и переход в него для монашеского делания насельниц Крестовоздвиженского монастыря г. Уфы.

2. Настоятельницей Богородице-Табынского женского монастыря утвердить монахиню Наталию (Ефремову) с правом ношения наперсного креста по должности.

3. Упразднить Крестовоздвиженский монастырь в г. Уфе, а в бывшем Крестовоздвиженском монастырском храме совершать приходское служение.

Слушали: Рапорт Преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия с просьбой благословить открытие Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря города Куровское Орехово-Зуевского района Московской области и назначить настоятелем мужской обители клирика Московской епархии иеромонаха Георгия (Хлебникова).

Постановили. 1. Благословить открытие Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря города Куровское Орехово-Зуевского района Московской области.

2. Назначить настоятелем Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря города Куровское Орехово-Зуевского района Московской области иеромонаха Георгия (Хлебникова) с возведением в сан игумена и возложением наперсного креста.

Слушали: Ходатайство Преосвященного митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира об открытии возрождающегося Иоанно-Богословского Черемнецкого мужского монастыря в Лужском районе и об утверждении настоятеля.

Постановили: 1. Благословить открытие Иоанно-Богословского Черемнецкого мужского монастыря в Лужском районе для возрождения монашеской жизни.

2. Утвердить настоятелем обители иеромонаха Митрофана (Осяка) с возведением его в сан игумена.

Слушали: Сообщение Преосвященного архиепископа Солнечногорского Сергия об освящении в Лимасоле на Кипре 12 апреля сего года, в праздник Входа Господня во Иерусалим, часовни в честь святителя Алексия, митрополита Московского, на участке, переданном Кипрской Архиепископией Русской Православной Церкви для строительства на нем храма в московском стиле в честь Святителя Николая, архиепископа Мирликийского, для духовного окормления русскоязычной общины Кипра.

Постановили: 1. Доклад принять к сведению.

2. Выразить благодарность Его Блаженству Архиепископу Кипрскому Хризостому за безвозмездное выделение земли для строительства храмового комплекса.

3. Поблагодарить Высокопреосвященного Хрисанфа, митрополита Лимасольского, за предоставленную возможность

совершать богослужение для русскоязычной диаспоры Кипра на церковнославянском языке, а также за труды по возведению нового храма.

4. Благодарить Правительство г. Москвы во главе с Ю. М. Лужковым за финансирование проектных работ и строительства часовни.

5. Выразить благодарность Чрезвычайному и Полномочному Послу России на Кипре Г. Л. Мурадову за постоянное внимание и помощь в строительстве часовни и храма.

6. Призвать Божие благословение на дальнейшие труды по созданию храмового комплекса Московского Патриархата на Кипре.

Слушали: Доклад Председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла об изменениях в составе представителей от Русской Православной Церкви в Координационном комитете по сотрудничеству между Русской Православной Церковью и Церковью Англии.

Постановили: 1. Помощника Председателя ОВЦС В. А. Чукалова вывести из состава Координационного комитета по сотрудничеству между Русской Православной Церковью и Церковью Англии, выразив ему благодарность за понесенные труды.

2. В состав Координационного комитета по сотрудничеству между Русской Православной Церковью и Церковью Англии ввести Секретаря ОВЦС по межхристианским связям иеромонаха Илариона (Алфеева).

Слушали: Доклад Преосвященного митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных сношений, об Одиннадцатом богословском собеседовании представителей Русской Православной Церкви и Евангелической Церкви Финляндии, которое пройдет с 12 по 19 октября 1998 года в г. Лаппенранта

(Финляндия) на тему «Церкви, религиозная свобода и отношения между Церковью и государством».

Постановили: Для участия в предстоящем собеседовании назначить делегацию Русской Православной Церкви в следующем составе:

1. Преосвященный митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир — глава делегации;

2. Преосвященный епископ Архангельский и Холмогорский Тихон;

3. Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев), доцент Санкт-Петербургской Духовной академии;

4. Протоиерей Виктор Лютик, клирик Покровского храма в Хельсинки;

5. Протоиерей Владимир Мустафин, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии;

6. Иеромонах Иларион (Алфеев), секретарь Отдела внешних церковных сношений по межхристианским связям;

7. Священник Всеволод Чаплин, секретарь Отдела внешних церковных сношений по взаимоотношениям Церкви и общества;

8. А. И. Осипов, профессор Московской Духовной академии;

9. Е. С. Сперанская, сотрудник секретариата по межхристианским связям Отдела внешних церковных сношений;

10. В. А. Чукалов, помощник Председателя Отдела внешних церковных сношений.

Слушали: Доклад Преосвященного митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, об участии возглавлявшейся им делегации во Все-православной встрече «Оценка новых фактов в отношениях между Православием и экуменическим движением» в Салониках (Греция), проходившей с 29 мая по 2 июня 1998 года.

Справка. Всеправославная встреча, проходившая с 29 мая по 2 июня 1998 года в Салониках (Греция) была созва-

на по инициативе Русской и Сербской Православных Церквей и собрала представителей всех Поместных Православных Церквей. Встреча была посвящена обсуждению участия Православных Церквей в экуменическом движении и, в частности, во Всемирном Совете Церквей. Делегация Русской Православной Церкви, дав критическую оценку нынешнему состоянию Всемирного Совета Церквей, внесла предложение направить на предстоящую Ассамблею ВСЦ наблюдателей от Православных Церквей с тем, чтобы выразить озабоченность Православных Церквей углубляющимся кризисом Всемирного Совета Церквей и выступить с предложением о начале радикальных преобразований Совета. После продолжительной дискуссии участниками встречи было единогласно принято решение направить от Православных Церквей на Ассамблею ВСЦ делегации, поручив им при этом не принимать участия в экуменических богослужениях и церемониях, а также процедурах голосования. Этот уровень представительства Православных Церквей в ВСЦ сохранится до тех пор, пока Всемирный Совет Церквей не будет преобразован до той степени, чтобы сделать возможным участие православных.

Постановили: 1. Одобрить позицию делегации Русской Православной Церкви на Всеправославной встрече в Салониках 29 мая – 2 июня 1998 года.

2. Выразить удовлетворение в связи с тем, что в ходе встречи было достигнуто всеправославное единство позиции в вопросе об отношении к экуменическому движению и, в частности, ко Всемирному Совету Церквей.

3. Отметить единодушие представителей Православных Церквей в вопросе о необходимости для Православных Церквей продолжать участие в межхристианских контактах.

4. Обратит особое внимание на единогласное осуждение раскольниче-

ских групп внутри Поместных Православных Церквей, которые используют тему экуменизма для критики церковного руководства, тем самым пытаясь посеять разногласия и расколы в Церкви.

5. Одобрить решение, принятое на Всеправославной встрече, о направлении на Ассамблею ВСЦ делегаций с ограниченным мандатом от всех Поместных Православных Церквей для единогласного всеправославного свидетельства о кризисе ВСЦ и представлении участникам Ассамблеи заявления Всеправославной встречи.

Слушали: Доклад Преосвященного митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, об участии возглавляемой им делегации Русской Православной Церкви в очередном богословском собеседовании с представителями Евангелической Церкви в Германии на тему «Церковь, народ, государство в Европе», которое проходило в Минске с 23 по 27 мая 1998 года.

Постановили: 1. Доклад принять к сведению.

2. Выразить удовлетворение осуществлением очередного богословского собеседования представителей Русской Православной Церкви и Евангелической Церкви в Германии.

3. Считать полезным продолжение богословского диалога представителей двух Церквей для межхристианского сотрудничества.

Слушали: Доклад Преосвященного митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, о прошедшем 14–16 мая 1998 года в Минске Пятом богословском собеседовании между представителями Русской Православной Церкви и Германской Епископской Конференции Римско-Католической Церкви на темы: «Единство и многообразие в Церкви» и «Границы Церкви».

Постановили: 1. Доклад принять к сведению.

2. Выразить удовлетворение итогами Пятого богословского собеседования между представителями Русской Православной Церкви и Германской Епископской Конференции.

3. Признать полезным продолжение богословского диалога с Германской Епископской Конференцией Римско-Католической Церкви как для развития двусторонних связей, так и для межхристианского сотрудничества в целом.

Слушали: Доклад Преосвященного митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных сношений, о состоявшейся 31 мая 1998 года интронизации новоизбранного Предстоятеля Польской Православной Церкви Блаженнейшего Митрополита Саввы.

Справка. Митрополит Савва (Михаил Грицуняк) родился 15 апреля 1938 года. В 1964 году был рукоположен во диакона, а в 1966 году, по принятии монашества, – во иеромонаха. В 1979 году хиротонисан во епископа и назначен на Лодзинскую и Познанскую кафедру. В 1993 году назначен правящим архиереем православной епархии Войска Польского с сохранением обязанностей правящего архиерея Белостокской и Гданьской епархии. В 1994 году министром народной обороны Польши был назначен руководителем Православного ординариата Войска Польского, ответственным за духовное окормление православных военнослужащих и деятельность священнослужителей в польской армии.

Постановили: 1. Доклад принять к сведению.

2. Вознести благодарение Господу Вседержителю, даровавшему нового Предстоятеля Польской Православной Церкви.

3. Выразить надежду, что традиционные братские связи двух Церквей бу-

дут расширяться и укрепляться, свидетельствуя миру благословенное единство Святого Православия.

Слушали: Доклад Преосвященного митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных сношений, о его участии 9 мая сего года в торжествах интронизации новоизбранного Блаженнейшего Архиепископа Афинского и всея Эллады Христодула.

Справка. Архиепископ Христодул (Христос Параскевиадис) родился в 1939 году. В 1961 году по принятии монашества был рукоположен во диакона, а в 1965 году – во иеромонаха. В 1974 году хиротонисан во епископа и возведен в сан митрополита Димитриадского и Альмирского с кафедрой в г. Волос. Блаженнейший Христодул является профессором богословия, владеет несколькими иностранными языками и считается одним из наиболее образованных иерархов Элладской Церкви.

Постановили: 1. Доклад принять к сведению.

2. Возблагодарить Пастыреначальника Господа, даровавшего Элладской Православной Церкви нового Предстоятеля.

3. Всемирно содействовать укреплению братского сотрудничества Русской и Элладской Православных Церквей во славу Божию и во утверждение богозаповеданного единства Поместных Православных Церквей.

Слушали: Информацию Святейшего Патриарха Алексия II о прошедшем в 1998 году праздновании Дня славянской письменности и культуры, отмечаемом в день памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла.

Постановили: 1. Информацию принять к сведению.

2. Считать необходимым создать постоянную комиссию под председательством Ректора Московской Духов-

ной академии для ежегодной координации конференций в России, посвященных Дню славянской письменности и культуры.

3. Поручить Преосвященному епископу Верейскому Евгению представить к очередному заседанию Священного Синода проект состава Комиссии.

Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ II

ЧЛЕНЫ СВЯЩЕННОГО СИНОДА:

Митрополит Киевский и всея Украины ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский ВЛАДИМИР
Патриарший Экзарх всея Беларуси
Митрополит Минский и Слуцкий ФИЛАРЕТ
Митрополит Крутицкий и Коломенский ЮВЕНАЛИЙ
Председатель Отдела внешних церковных сношений
Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ
Митрополит Кишиневский и всея Молдовы ВЛАДИМИР
Архиепископ Казанский и Татарстанский АНАСТАСИЙ
Епископ Чимкентский и Акмолинский ЕЛЕВФЕРИЙ
Епископ Туровский и Мозырский ПЕТР
Епископ Белгородский и Старооскольский ИОАНН
Епископ Сыктывкарский и Воркутинский ПИТИРИМ
Управляющий делами Московской Патриархии
Архиепископ Солнечногорский СЕРГИЙ

Послание

Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 80-летию убиения Императора Николая II и его Семьи

Возлюбленные во Христе Преосвященные архипастыри, досточтимые пастыри, боголюбивые иноки и инокини, все верные чада Русской Православной Церкви!

В этом году 17 июля исполняется 80 лет со дня убиения Российского Императора Николая II и членов его Семьи. Время все дальше уносит нас от того дня, когда было совершено это злодеяние. Несколько поколений за это время успело сменить друг друга, но память о совершенном беззаконии, чувство вины за его нераскаянность не изгладились в народе нашем. Убийство Царской Семьи – тяжелое бремя на народной совести, которая хранит сознание того, что многие наши предки посредством прямого участия, одобрения или безгласного попустительства в этом грехе повинны. Покаяние же в нем должно стать знамением единства наших людей, которое достигается путем не безразличного соглашательства, но вдумчивого осмысления произошедшего со страной и народом. Именно тогда оно будет единством не по форме, а по духу.

Сегодня, как это было и пять лет назад, когда мы обратились к пастырям и пастве с Посланием, посвященным 75-летию екатеринбургской трагедии, мы снова свидетельствуем, что «грех царубийства, происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Мы призываем к покаянию весь наш народ, всех чад его, независимо от их политических воззрений и взглядов на историю, независимо от их этнического происхождения, религиозной принадлежности, от их отношения к идее монархии и к личности последнего Российского Императора».

Пусть воспоминания о соделанном преступлении подвигнут нас совершить в этот день всеобщее покаяние в грехе вероотступничества и царубийства, сопровождаемое постом и воздержанием, чтобы Господь услышал наши молитвы и благословил Отечество наше миром и процветанием.

В этот день мы призываем и благословляем архипастырей и пастырей нашей Святой Церкви совершить панихиды с поминовением убиенного Императора Николая II, супруги его Императрицы Александры, их чад – Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии, Алексия, их верных слуг и всех в годину лютых гонений за веру Христову умученных и убиенных, их же имена ведает Сам Господь.

Призывая к этому, мы глубоко сожалеем о том, что скорбная годовщина убийения Государя и его Семьи омрачена ожесточенными спорами вокруг вопроса об останках, найденных под Екатеринбургом.

В этот же день, 17 июля, в Санкт-Петербурге, в соборе святых апостолов Петра и Павла, эти останки будут захоронены. По заключению Государственной комиссии они были идентифицированы с останками Царской Семьи. Как известно, решение Комиссии вызвало двоякую реакцию в нашем обществе и в Церкви. Наравне с теми, кто доверяет выводам Комиссии, существуют и те, кто эти выводы не принимает. Суждение церковной и светской общественности оказалось разделенным, причем разделение носит явно конфронтационный, болезненный характер. В этой ситуации Священноначалие, имеющее своим долгом заботу о единстве Церкви и содействие гражданскому миру и согласию, самой логикой возникшего конфликта призывается к тому, чтобы воздержаться от поддержки той или иной точки зрения.

Панихиды по убиенному Императору, его Семье и по всем умученным в годы гонений будут совершены в этот день в храмах Церкви нашей; будет совершена такая панихида и в Петропавловском соборе города на Неве. Это богослужение явится не актом признания или непризнания выводов науки относительно «екатеринбургских останков», а исполнением христианского долга, церковным ответом на просьбы совершить заупокойное богослужение при погребении этих останков.

Дорогие Преосвященные архипастыри, всечестные пастыри, боголюбивые братья и сестры! Сегодня Полнота церковная неленостно подвизается, восстанавливая порушенные святыни, воссоздавая облик Святой Руси. Благословляя эти труды, мы призываем вас вознести молитвы не только об упокоении Царской Семьи, но и о всех убиенных и погибших в годы лихолетья, дабы в духе согласия, не уступая давлению суетного разномыслия, чуждого благу церковному, перенести нелегкое время, переживаемое ныне Церковью и народом нашим.

«Итак, будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию» (Рим. 14, 19). «Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всем» (1 Тим. 3, 16).

Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ II

ЧЛЕНЫ СВЯЩЕННОГО СИНОДА:

Митрополит Киевский и всея Украины ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ВЛАДИМИР
Патриарший Экзарх всея Беларуси
Митрополит Минский и Слуцкий ФИЛАРЕТ
Митрополит Крутицкий и Коломенский ЮВЕНАЛИЙ
Председатель Отдела внешних церковных сношений
Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ
Митрополит Кишиневский и всея Молдовы ВЛАДИМИР
Архиепископ Казанский и Татарстанский АНАСТАСИЙ
Епископ Чимкентский и Акмолинский ЕЛЕВФЕРИЙ
Епископ Туровский и Мозырский ПЕТР
Епископ Белгородский и Старооскольский ИОАНН
Епископ Сыктывкарский и Воркутинский ПИТИРИМ
Управляющий делами Московской Патриархии
Архиепископ Солнечногорский СЕРГИЙ

Издательство Московской Патриархии выпустило в свет книгу
**«Служба на Успение Пресвятыя Богородицы и Похвалы,
или священное последование на святое преставление
Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы
и Приснодевы Марии»**

Книга продолжает серию выпускаемых Издательством Московской Патриархии служб основных церковных праздников.

В издание включено последование на Успение и Похвалы (Чин погребения) Божией Матери.

За основу взят текст из Минеи Август (ч. II). На ряду приводятся паримии, апостольское и евангельские чтения, в необходимых случаях для удобства церковнослужителей вместо ссылок соответствующие песнопения приводятся полностью.

После богослужебных текстов в книге помещены развернутые уставные комментарии, а также заметки по истории службы.

В книгу включено обширное нотное приложение.

Тексты служб набраны крупным и четким церковнославянским шрифтом, в две краски, украшены рамками, заставками и буквицами. Книга открывается цветной иконой «Успение Пресвятой Богородицы».

Служения Святейшего Патриарха Алексия

Май 1998 года

3 мая – Неделя 3-я по Пасхе, святых жен-мироносиц.

Святейший Патриарх Алексий совершил Божественную литургию в Успенском Патриаршем соборе Московского Кремля. Перед началом Литургии Святейший Патриарх совершил хиротесию выпускника Московской Духовной семинарии Сергея Куксова во чтеца.

За Божественной литургией ряд клириков Москвы за усердное служение Церкви к празднику Святой Пасхи были удостоены Патриарших наград. По окончании Литургии состоялся крестный ход. Его Святейшеству сослужили архиепископ Истринский Арсений и епископ Орехово-Зуевский Алексей.

6 мая – Память великомученика и Победоносца Георгия.

Святейший Патриарх Алексий совершил освящение храма в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» с приделами в честь Казанской иконы Божией Матери и великомученика Димитрия Солунского в Царицыне в Москве.

По окончании чина освящения Святейший Патриарх совершил Божественную литургию, за которой удостоил настоятеля храма протоиерея Георгия Бреева права служения Божественной литургии с отверстыми царскими вратами до «Херувимской песни» и рукоположил диакона Даниила Зарипова во пресвитера к храму Архангела Михаила в Тропареве (Патриаршему подворью).

По окончании Литургии Его Святейшество поздравил отца настоятеля с тезоименитством и передал в благословение клиру и прихожанам храма икону святого великомученика Георгия

со своей Патриаршей подписью. Святейший Патриарх также поздравил присутствовавшего за богослужением мэра Москвы Ю. М. Лужкова с днем его Небесного покровителя и пожелал ему здоровья, мудрости и сил для служения во славу Божию на благо России и Первопрестольного града Москвы.

Святейшему Патриарху сослужили Архиепископ Истринский Арсений и епископ Орехово-Зуевский Алексей.

В ответном слове Ю. М. Лужков выразил благодарность за приветствие и поздравление и передал Первосвятителю Русской Церкви частицу святых мощей великомученика и Победоносца Георгия, полученную им от Блаженнейшего Патриарха Святого Града Иерусалима и всей Палестины Диодора в благословение граду Москве.

Святейший Владыка выразил сердечную благодарность за привезенную святыню и объявил верующим, что частица святых мощей будет храниться в храме святого великомученика и Победоносца Георгия на Поклонной горе после окончания реставрации.

20 мая – Отдание праздника Преполовления Пятидесятницы.

Святейший Патриарх Алексий посетил Рождества Богородицы Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь в Звенигороде и скит преподобного Саввы Сторожевского, осмотрел храмы и ознакомился с проводимыми реставрационными работами, а также имел беседу с братией.

22 мая – перенесение мощей Святителю и Чудотворца Николаю из Мир Ликийских в Бари.

Накануне праздника Святейший Патриарх в сослужении архиепископов Солнечногорского Сергия и Истринского Арсения совершил всенощное бдение в Богоявленском кафедральном соборе в Москве.

В самый день праздника Святейший Патриарх Алексей в сослужении Архиепископа Истринского Арсения совершил Божественную литургию в Успенском трапезном храме Свято-Никольского Угрешского ставропигиального мужского монастыря, за которой рукоположил диакона Валерия Мишина во пресвитера к храму Рождества Иоанна Предтечи на Пресне.

По окончании Литургии Святейший Патриарх возглавил крестный ход к воссозданной на территории обители часовне в честь Святителя Николая и совершил возле нее водосвятный молебен с молитвой на освящение часовни, после чего крестный ход прошествовал на соседствующую с монастырем городскую площадь, где в присутствии многочисленных паломников и жителей города был торжественно открыт и освящен памятник Святителю Николаю Мирликийскому.

24 мая – Неделя 6-я по Пасхе, о слепом. Память святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских.

Святейший Патриарх Алексей совершил Божественную литургию в Успенском Патриаршем соборе Московского Кремля. По окончании Литургии Святейший Патриарх возглавил крестный ход на Славянскую площадь, где в сослужении собора архипастырей и духовенства Москвы совершил молебен святым Кириллу и Мефодию, после которого обратился с речью к собравшимся. За богослужением присутствовал мэр столицы Ю. М. Лужков.

Его Святейшеству сослужили митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, архиепископы Солнечногорский Сергей, Валентин (Мишук), Истринский

Арсений, епископы Филиппопольский Нифон (Антиохийский Патриархат), Бронницкий Тихон, Орехово-Зуевский Алексей, Красногорский Савва.

27 мая – Отдание праздника Пасхи.

Святейший Патриарх Алексей совершил Божественную литургию в Преображенской церкви Храма Христа Спасителя. За Литургией Святейший Патриарх совершил иерейскую хиротонию диакона Михаила Сотникова к храму святого великомученика Димитрия Солунского на Благуше.

Его Святейшеству сослужил архиепископ Истринский Арсений.

28 мая – Вознесение Господне.

Накануне праздника Святейший Патриарх совершил всенощное бдение в храме Вознесения Господня («Большое Вознесение») у Никитских ворот. По окончании богослужения Святейшего Патриарха сердечно приветствовал настоятель храма протоиерей Владимир Диваков. На молитвенную память Его Святейшеству была преподнесена икона Божией Матери и избранных святых. В ответном Слове Святейший Патриарх Алексей поблагодарил отца настоятеля и поздравил прихожан с храмовым праздником.

В самый день праздника Святейший Патриарх совершил чин освящения центрального престола в честь Вознесения Господня и Божественную литургию в храме святителя Мартина Исповедника в Алексеевской Новой слободе в Москве.

За Божественной литургией Святейший Владыка во внимание к трудам, понесенным настоятелем храма священником Александром Абрамовым, возвел его в сан протоиерея, а также совершил хиротонию диакона Анатолия Кирсанова во пресвитера к храму Святого Духа на Даниловском кладбище. По окончании богослужения Святейшего Патриарха приветствовал отец настоятель. Он преподнес Его Святейшеству складень с Грузинской иконой

Святейший Патриарх Алексий совершает Божественную литургию
в храме святителя Мартина Исповедника в Москве в праздник Вознесения Господня,
28 мая 1998 года

Божией Матери и предстоящими святителем Мартином Исповедником и преподобным Серафимом Саровским. Святейший Патриарх передал в дар храму Феодоровскую икону Божией

Матери со своим Первосвятительским благословением.

За всеобщим бдением и Литургией Его Святейшеству сослужил архиепископ Истринский Арсений.

Освящение часовни Святителя Николая в Николо-Угрешском монастыре

22 мая Русская Православная Церковь молитвенно воспоминает перенесение честных мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в город Бари.

В день праздника Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий совершил Божественную литургию в подмосковном Николо-Угрешском монастыре. Прямую трансляцию Патриаршего богослужения вел местный телеканал «ТВ-Угреша». После Божественной литургии Святейший Патриарх совершил освящение монастырской часовни Святителя Николая, заново восстановленной стараниями ее многочисленных благотворителей.

От часовни крестный ход во главе с Предстоятелем Русской Православной Церкви направился к памятному знаку в честь святителя и чудотворца Николая, установленному неподалеку от монастырских стен. Памятный знак по проекту скульптора В. Клыкова создан на средства, собранные жителями Дзержинского, а также на пожертвования городских предприятий. Святейший Патриарх совершил освящение памятного знака. Он также обратился к духовенству, администрации и жителям города Дзержинского с архипастыр-

Во время крестного хода в Николо-Угрешском монастыре. На втором плане чтимая святыня обители – чудотворная икона Святителя Николая

ским Словом, в котором сердечно поздравил их с обретением новой памятной святыни.

О. К.

«Священную двоицу просветителей наших почтим...»

Ежегодно в конце мая в нашей стране отмечаются Дни славянской письменности и культуры. История их возникновения неразрывно связана с именами святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей Словенских. Выходцы из греческого города Солуни православные монахи – братья Кирилл и Мефодий с детства изучали наречия славян, во множестве населявших Солунь и ее окрестности. Благодаря полученному в юности блестящему образованию они считались наиболее учеными и образованными людьми своего времени. Апостольское служение святых Кирилла и Мефодия началось в одном из крупнейших государств современной им Европы – Великой Моравии, куда братья были направлены византийским императором Михаилом по просьбе моравского князя Ростислава для наставления и утверждения его подданных в христианской вере. Отправляясь с просветительской миссией в земли западных славян, Кирилл и Мефодий в 863 году составили первую азбуку, приспособленную для передачи славянской речи, и тем самым заложили основы книжно-письменного литературного языка для всех славянских народов. С помощью созданного алфавита они вместе со своими учениками перевели с греческого языка Священное Писание и многие богослужебные книги, сделав их доступными для новообращенных славян.

Церковь высоко оценила подвиг тех, кто Божественным Промыслом был призван «вся языки словенские утвердити в Православии и единомыслии», прославив их в лике святых. И ныне имена великих просветителей славянских народов благоговейно чтутся православными христианами России, Болгарии, Сербии и других стран. В 1862 году русская общественность впервые

отметила день памяти святых Кирилла и Мефодия как общенациональный праздник. Традиция празднования в честь словенских Первоучителей была надолго прервана трагическими событиями начала XX века. Лишь в 1985 году, когда во всем мире отмечали 1100-летие преставления одного из них – святителя Мефодия, архиепископа Моравского и Паннонского, день его церковной памяти – 24 мая – был официально объявлен в нашей стране праздником славянской письменности и культуры.

30 января 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление о ежегодном проведении Дней славянской письменности и культуры, в которых совместно участвует Русская Православная Церковь и светские организации. В мае того же года по 40 областям России был совершен «Славянский ход», во время которого проводились многочисленные выставки и фестивали народного творчества. По мере пробуждения православного самосознания нашего народа Дни славянской письменности и культуры получали новое осмысление, превращаясь из преимущественно фольклорного праздника в значимое духовное торжество.

Весной 1992 года в Москве состоялось торжественное открытие памятника святым Кириллу и Мефодию работы скульптора В. Клыкова. В цоколе памятника была установлена неугасимая лампада, зажженная в Великую Субботу от Благодатного Огня на Гробе Господнем.

В нынешнем году география всеславянских празднеств была обширна как никогда: они охватили 54 города России, а также Украину, Крым, Белоруссию и Молдавию. Начало торжествам было положено в древнем городе Ярославле, где церемонию открытия Дней славянской письменности и культуры возгла-

Начало крестного хода из Московского Кремля

вил президент Республики Белоруссия А. Лукашенко. Свое приветствие участникам празднования направил президент России Б. Ельцин.

Центром торжеств в России стала Первопрестольная. 24 мая, в день памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий совершил Божественную литургию в Успенском соборе Московского Кремля. После богослужения верующие, возглавляемые Предстоятелем Русской Православной Церкви, крестным ходом прошли к Славянской площади столицы, где установлен памятник святым Кириллу и Мефодию. Вместе с москвичами в нем участвовал мэр города Ю. М. Лужков, а также гости из братских славянских государств. Красным звоном приветствовали праздничное шествие колокола московских храмов, первым из которых стал древний собор Василия Блаженного на Красной площади. Московское телевидение вело прямую трансляцию крестного хода, а также совершенного у па-

мятника равноапостольным Первоучителем молебна. Невзирая на прохладную весеннюю погоду, сотни горожан собрались на площади, чтобы вместе со Святейшим Патриархом вознести свои молитвы святым Кириллу и Мефодию. Перед началом молебна Его Святейшество произнес краткое Слово, в котором сердечно приветствовал участников всеславянского празднества.

Вся последующая неделя в Москве проходила под знаком Дней славянской письменности и культуры: состоялись многочисленные конференции и симпозиумы, выставки и концерты. В течение трех дней работала педагогическая конференция «Славянские корни духовности и культуры в современном российском образовании», организованная при участии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Свято-Данилова монастыря и московской прогимназии «Пересвет». С 27 мая по 1 июня дети – прихожане столичных храмов и учащиеся воскресных школ – совершали паломнические поездки по монастырям Москвы и

**Святейший Патриарх Алексей у иконы
славянских Первоучителей
Кирилла и Мефодия
на Славянской площади Москвы**

Подмосковья. Более шестисот ребятшек посетили Троице-Сергиеву Лавру, Спасо-Бородинский и Новоиерусалимский, Саввино-Сторожевский и Новодевичий монастыри, побывали в обителях Коломны и Серпухова. Детская праздничная программа завершилась 1 июня торжественным обедом ее участников в Свято-Даниловом монастыре. В Государственной детской библиотеке Москвы открылась экспозиция книг «В начале было Слово...», посвященная истории развития славянской письменности и культуры.

В рамках Дней славянской письменности и культуры 28 мая в мэрии Москвы состоялся Международный симпозиум «Идея славянской взаимности в прошлом и настоящем», посвященный 150-летию проведения первого Славянского съезда. Его организатором выступил Институт славяноведения и балканистики Российской Академии наук. Участники симпозиума обратились к

событиям июня 1848 года, когда в Праге открылся Первый Славянский Конгресс. С докладом на тему «Общность языка в контексте единства славянских народов» перед слушателями симпозиума выступил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

Одним из главных событий Дней славянской письменности и культуры стала церемония вручения Международной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, которая состоялась 30 мая в Октябрьском зале Дома союзов. Учредитель премии – Славянский Фонд России – просветительская общественная организация, созданная в 1991 году. Уже во второй раз она награждает государственных и общественных деятелей, ученых и писателей, художников и музыкантов, чья деятельность служит идеям славянского единства. Лауреатом премии этого года назван Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, отмеченный ею «за выдающийся вклад в пропаганду Кирилло-Мефодиевского наследия».

«На протяжении десятилетий, когда имена равноапостольных Кирилла и Мефодия почти забыты были в нашем Отечестве, Церковь всегда совершала их память, чтит их как просветителей славянских народов, оставивших нам славянскую азбуку, славянский алфавит, – сказал Его Святейшество, выступая на церемонии вручения премии, – на этой основе возникла у славянских народов богатая письменность и культура». Он отметил, что созданный святыми братьями церковнославянский язык является богослужебным языком. «Мы бережно храним этот язык, – подчеркнул Святейший Патриарх, – потому что он возводит нас к традиции святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Это возвышенный язык для беседы с Богом. Мы рады, что в новую Россию, в нашу жизнь вернулся праздник, посвященный славянской письменности и культуре. Дай Бог, чтобы мы были всегда людь-

ми, которые помнят своих великих предшественников, просветивших нас светом веры Христовой. Дай Бог, чтобы славянские народы были едины и помнили о своей богатой духовной культуре и письменности, которые должны передаваться из рода в род, из

поколения в поколение». Завершая свое Слово, Святейший Патриарх Алексий сказал: «Я принимаю эту премию как награду всей Русской Православной Церкви, которая хранила, хранит и будет хранить Кирилло-Мефодиевское наследие».

О. КИРЬЯНОВА

200 лет храму Мартина Исповедника в Москве

Незаметно одна за одной промелькнули пасхальные недели и наступил великий двенадесятый праздник Вознесения Господня. В старой Москве в этот день отмечали свой престольный праздник более десяти храмов. В нашем столетии многие из них были разрушены, а чудом уцелевшие в полной мере испытали на себе все тяготы атеистического времени. В их числе был и храм Вознесения Господня на Таганке, в Алексеевской Новой слободе, более известный москвичам как храм священномученика Мартина Исповедника. Исторически сложилось так, что район Таганской площади украшает множество православных храмов, но церковь святого Мартина Исповедника занимает среди них особое место. Она заметна издали – величественный храмовый купол возвышается над старинными московскими домами и особняками, составляющими значительную часть окрестной застройки.

С 1492 года на этом месте стояла небольшая деревянная церковь, освященная во имя священномученика Мартина Исповедника, Папы Римского. Историки объясняют редкое для Москвы посвящение храмового престола тем, что 14 апреля – в день памяти священномученика Мартина Исповедника – вступил на престол Великий князь Московский Василий III, в правление которого был возведен храм. В сентябре 1706 года здесь освятили боковой придел в честь Грузинской иконы Божией

Матери. Древний храм был разобран в конце XVIII века, а на его месте стараниями московского городского головы В. Я. Жигарева возведен новый трехпрестольный, по проекту архитектора Родиона Казакова. В октябре 1806 года состоялось освящение двух боковых приделов: во имя священномученика Мартина Исповедника и Грузинской иконы Божией Матери, а чуть позже – главного храмового престола в честь Вознесения Господня.

Внешний вид храма почти не изменялся, лишь во время наполеоновского нашествия 1812 года, когда церковное здание было повреждено, проводилось его поновление. Первоначально храм был холодным и лишь в 1904 году на пожертвования прихожан и ктитора С.М.Александрова его устроили теплым.

В послереволюционное время храм на Таганке постигла участь большинства московских церквей. Новая «народная» власть методично и безжалостно уничтожала очаги «религиозного дурмана», предварительно разграбив и осквернив подлинно народные святыни. Сейчас, когда стали достоянием гласности события нашей недавней истории, уже нетрудно представить, что, например, стоит за сухим и кратким сообщением о том, как в ходе акции по сбору церковных ценностей с 21 марта по 5 апреля 1922 года в храме Мартина Исповедника было изъято 14 пудов 4 фунта 91 золотник серебра. Год спустя, 23 марта 1923 года, газета «Известия» опове-

шала своих читателей: «...беспартийные рабочие Рогожско-Симоновского района постановили: просить Моссовет предоставить помещение ц. Мартина Исповедника на Б. Коммунистической ул. под общее собрание трудящихся и для других культурно-просветительных целей. Исполком райсовета возбудил об этом ходатайство». В 1928 году храм закрыли и его богослужebная жизнь превралась на долгие десятилетия. В 1980–1990-х годах здесь размещалось хранилище Всесоюзной книжной палаты, оказавшейся последней в череде многочисленных «хозяев» церковного здания.

Малое освящение храма в Алексеевской Новой слободе совершилось 22 апреля 1991 года. Однако предстояло осуществить внешнюю и внутреннюю реставрацию храма, чтобы привести его в подобающий вид. Немало трудов пришлось понести настоятелю иерею Александру Абрамову. О масштабах восстановительных работ свидетельствует такой факт: чтобы полностью раскрыть объем храма, сделав доступным взору сохранившееся великолепное внутреннее убранство в стиле ампир, пришлось освободить его от шести (!) этажей перегородок, воздвигнутых прежними владельцами.

28 мая 1998 года, в праздник Вознесения Господня, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей совершил архиерейским чином освящение главного престола храма, а затем Божественную литургию. За богослужением Его Святейшество возвел отца Александра Абрамова в сан протоиерея во внимание к его трудам по возрождению храма.

По окончании богослужения отец Александр обратился к Святейшему Патриарху Алексию со словами приветствия. Он отметил, что освящение главного престола и Патриаршее богослужение совпали с двухсотлетним юбилеем храма, и это событие является вдвойне знаменательным и памятным для его клириков и прихожан. «За

двести лет, – сказал отец Александр, – много было здесь святых угодников Божиих. Здесь бывал и святитель Филарет, митрополит Московский, который заложил этот храм. Здесь служил Святейший Патриарх Тихон. Но сегодня впервые в истории этого храма Первосвятой Русской Церкви совершает освящение храмового престола. Благодарим Вас, Ваше Святейшество, за то, что Вы нашли время совершить здесь богослужение». В память об освящении храма протоиерей Александр Абрамов передал в дар Святейшему Патриарху Алексию триптих с изображением Вознесения Господня, преподобного Серафима Саровского и Грузинской иконы Божией Матери.

В ответном Слове Предстоятель Русской Православной Церкви поблагодарил отца настоятеля за теплые слова приветствия: «Я рад был в сегодняшний день совершить богослужение в этом храме, который был опустошен и разорен и которому ныне возвращается его бывшее благолепие. Сегодня мы молились о том, чтобы Господь утвердил этот храм до скончания века, чтобы никакие разорения и опустошения не коснулись в будущем этой святыни. Двести лет существует она на московской земле. Из них несколько десятков лет выпадают, потому что это были десятилетия разорения, когда храм, который создавался как Дом молитвы, как дом, где люди Божии черпали на протяжении двух веков духовные силы для своего жизненного пути, был приспособлен для других нужд». Его Святейшество отметил значимый вклад отца Александра Абрамова не только в возрождение своего приходского храма, но и в епархиальную жизнь Москвы, где он несет многие послушания. На молитвенную память Святейший Патриарх Алексей передал настоятелю и приходу храма Мартина Исповедника Феодоровскую икону Божией Матери со своей дарственной надписью.

В. С.

Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого)

На следующий день архимандрит Иларион был хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. С этого дня жизнь его совершенно изменилась. Если до хиротонии он имел еще время на ученые занятия, на чтение духовных книг, в чем нуждался, неизменно находя в них подкрепление своей душе, то теперь он служил почти ежедневно, утром и вечером; бывало, что в день ему приходилось говорить по две проповеди. Домой он приезжал днем только на два часа, которые использовал для отдыха перед вечерней службой, а то и по нескольку дней не приходилось ночевать дома вовсе. Он посещал со службами храмы и монастыри Верейского уезда, и эти поездки перерастали в путешествия, которые затягивались иногда по месяцу. Если выдавался свободный день, то с утра до позднего вечера шли к нему за разрешением насущных проблем люди. И от всего этого уклониться было нельзя. Это было время его архиерейского служения, высокого служения Церкви и людям, к которому его готовил Господь.

Это было служение монаха, у которого не было ничего своего, а что дал Господь, того и довольно. Избавив от лишнего, подавая необходимое, Господь избавил его от тяжких бытовых забот, на которые, впрочем, уже не оставалось ни времени, ни сил. Это было служение архипастырское, когда он словом, примером поддерживал колеблющихся и малодушных, научал малознающих. За год своего архиерейского служения

он совершил сто сорок две обедни, более ста сорока двух всенощных и произнес триста тридцать проповедей, и это притом, что в тот год он два месяца проболел тифом, причем месяц ему пришлось пробыть дома безвыходно. Тиф дал осложнение на сердце, и впоследствии при всяком переутомлении это осложнение давало о себе знать.

Сообщая о себе, епископ Иларион писал своим близким: «Совсем потерял свободу. Будто арестант, прикованный к своей тачке, — так и живу. Не только дней нет свободных, нет и часа свободного, когда мог бы я заняться тем, чем хочется, а не тем, что нужно к спеху. Уж хоть бы в Бутырку на отдых взяли. Это единственная доступная нам дача или санаторий. Не знаю, как-то сил еще хватает, хотя нередко и силы падают, и дух оскудевает». «Лето (1921 года. — *И. Д.*) все прошло в непрерывных разъездах по Москве и по Московской губернии. Ведь и по Москве бывают концы больше десяти верст. Времени совсем не хватает, и все спешишь. Нередко и устаешь. Хорошо еще, что уставши, скоро я отхожу — видно, еще молод.

А за последний месяц опять осложнение жизни: снова арестовали Преосвященного Петра (Полянского. — *И. Д.*), и опять за его стол сел принимать людей, чающих... преимущественно развода. Нет у меня ни утра, ни вечера... некогда читать, некогда писать, некогда... даже грешить. Ради третьего, может быть, Господь и устраивает мне такую жизнь».

Активная церковная деятельность святителя, его проповеди за богослужениями и помощь Патриарху Тихону были с раздражением отмечены властями. 22 марта 1922 года епископ Иларион был арестован. Его обвинили в том, что он исполнял поручения Патриарха, принимал в Патриаршем подворье посетителей, приходивших сюда за советом по церковным делам, устраивал диспуты и, обладая большой эрудицией в богословских вопросах, дискредитировал выступавших против него оппонентов-безбожников. 22 июня Коллегия ГПУ постановила выслать епископа на один год в Архангельскую область.

4 июля епископ Иларион вместе с этапом заключенных прибыл в Архангельск и 10 июля был освобожден из тюрьмы. После ежедневной и еже часной загруженности, после следствия и этапа это оказалось неожиданным отпуском. Большой город, почти в центре города – дом, в котором хозяева выделили ему отдельную комнату с выходящими на солнечную сторону окнами. Первое время он почти целыми днями ходил по набережной величественной Двины, наслаждаясь свежим воздухом, покоем и свободой. Тем, что не надо постоянно делать усилия и принуждать себя к тому, чтобы переделать все необходимое, чего уже нельзя отложить, но для совершения чего уже нет сил. Одно ему было непривычно: совсем иной ему показалась здешняя природа, нежели в его родных приокских далях, где было немного леса, но зато много полей и простора. А здесь отовсюду наступали на жильё лес или болота и почти совсем не было открытых пространств. «Чтобы луг или поле устроить, нужно среди болота поискать сухой пригорок: там лес. Лес нужно свести – получится “чишемина” – вот и заводи луг или поле. К нему нужно устроить дорогу через болото: насыпают опилки... бросают доски, палки и так далее. Получается своеобразная

дорога. А болото или с мелким и редким лесом, или чистое.

Мох всяких сортов. В первый раз увидел, как клюква растёт... Представьте сплошной ковер мха светло-коричневого, и по нему разбросаны, наполовину в нем утопая, красные ягоды величиной с небольшую вишню... Когда ее много, будто кто рассыпал по мху ягоды».

Одно было прискорбно и заботило – невозможность, как ссыльному, служить в храме и известия о церковных событиях.

Родным епископ писал: «Служу я очень мало. 15 июля тихонько в церкви около дома послужил, а сегодня в соборе кафедральном. И только.

А это верно: в праздники мне скучно без службы, хотя ведь в будни тоже никакого дела. Одним словом, в моей жизни много и хорошего, главное – свободное время и можно учиться. Пригодится ли это учение когда – не знаю. Ну, для себя! Хочу на бухгалтера научиться: курс лекций по счетоводству уже лежит на столе.

А уж «оживляют» церковь пусть другие; нам с ними не по пути. Интересно, что на съезде для «оживления» только и надумали: 1) жениться архиерею, 2) жениться монахам с оставлением в сане, 3) жениться священнику на вдове, 4) жениться священнику вторично, 5) жениться на свояченице, 6) жениться на двоюродной сестре. И так, шесть «жениться» – и только! Как просто-то оказывается! Ну что ж! На здоровье! А уж мы лучше по ссылкам поездим, а преклоняться перед наглостью, бессовестностью и глупостью не преклонимся. Дело-то не Божие, а потому разорится рано или поздно.

А главная гнусность – сплошная политическая провокация. Всегда наши либералы первыми за городскими бежали...

Живая церковь в Москве и Петрограде совсем переругалась, так что ока-

залась и очень viva. Постановление съезда похоже на бред каких-либо товарищей... «Новоиспеченных» по канонам нельзя признавать в сани, потому что все постановления их незаконны. Такого взгляда и держусь. По пути «оживления» идти не могу – поздно, уже не годен, «оживительница» сбежит».

«Осень у нас на редкость теплая и хорошая, до сих пор ниже четырех градусов не спустилась температура; деревья зеленые стоят, например тополя. Сейчас, например, пишу (половина двенадцатого вечера) с открытым окном. Я сижу против окна в холщовом старом подрясничке. Окно и не думаю заставлять пока, а то задохнешься. Никак не ждал такой осени. Все Гольфстрем-батюшка старается. Да Новая Земля помогает, запирая входы в Карское море. Я ведь здесь географию Севера изучил по разным книгам, иногда очень серьезным. Времени-то у меня достаточно. Впрочем, не хватает. Книг много, и сразу их не прочтешь. А там систематических занятий предположительно немало. Да все от них отрываюсь. Хоть докторскую степень и есть за что присудить, но не за что будет мне ее присудить долго еще. Здесь сделать ничего нельзя. Можно делать что-то только около академической библиотеки. Буду опять ждать, куда сошлют.

В Москве совсем спятили с ума. Соберутся человек тридцать–сорок случайных людей с улицы: «Давайте Живую церковь устроим! Давайте! Готово!» Ну не идиоты? А ведь и Живая церковь состоит из одних аферистов. Говорят, Троицкий Посад прямо в кабак обратили. А сколько безобразий самых гнусных! Я ведь за всем слежу. А что в газетах разных печатается, то и там много любопытного сообщают. Но, конечно, связь с ВЧК дает самозванцам видимость силы. Трусливые люди! А что по провинции делается! Столпотворение! «Смещение языков». Например, за одной службой соборной, в одном гу-

бернском городе епископ поминает ВЦУ, протоиерей – тоже, второй диакон и певчие – Патриарха. Много еще всякой гадости будет. Так, видно, суждено. Русские пережили и такое унижение и поругание от своих иуд и предателей. Ну а я надеюсь никогда не вступать в общение с ВЦУ и с разными самозванцами, хотя бы пришлось и много лет по ссылкам кататься...

Со здешним епископом у нас добрые отношения. Часто у него бываю (две минуты ходу), делимся новостями, какие кто узнал. Служил я за три месяца всего пять раз. Пока здесь никакой мерзости не было. Но ведь может всякий день появиться или приехать. Тогда будет хуже. Да мне-то что, совсем замкнулся в жилье своем...»

Своей знакомой по Сергиевому Посаду, Елизавете Аполлоновне Воронцовой, епископ писал в день памяти Преподобного Сергия из ссылки: «Нынешний день не могу мыслью быть нигде, кроме Посада и Лавры. С утра я нахожусь все там, вспоминаю я прошлые дни... Вы, может быть, уже знаете, куда Господь направил стопы мои. После довольно тягостной, измороженной жизни в течение трех с половиной месяцев в Москве попал я на Крайний довольно неприветливый Север. В этом событии жизни своей вижу явную милость Божию, потому что не знаю, что могло бы случиться, если бы я остался в Москве. Бездна сумасшествия еще, по видимому, исчерпана не до дна. Со дна поднялись самые густые остатки грязи... Еще не все для себя выяснил, не все мне известно, но уже вижу много глупости и низости, лжи и неправды. А для меня пока начинается время, которого напрасно я дожидался за последнее время. Маленькая комнатка (шесть на три аршина), книжки и свободное время. Господь помог и здесь устроиться, так что можно жить без назойливых забот, а убожество обстановки нисколько не огорчает мою пролетарскую душу...»

Через две недели, 4 августа, епископ писал: «И сам не знаю причины, почему я переселился сюда. «Дела» у меня никакого не было. Все обошлось «без суда и следствия». Видно, так нужно. Промысл Божий может действовать и через злодеев. Они думают, что свою злую волю творят, а на деле не то, волю Божию благую исполняют. Как и со мною. Мне, несомненно, благо уже в том, что скрылся я от мятежа человеческого... Что же касается смуты церковной, кроме глупости и безобразия, в ней ничего не вижу. Неудобно только писать подробно... Знаю и некоторых новых «деятелей». Ждать от них добра – это то же, как если бы идти в кучу крапивы и искать малины. Зла от этих деятелей будет очень много. И многим от них придется пострадать, так как они имеют власть и казнить. И это при отделении Церкви от государства. Я думаю, что в моей личной жизни настоящее мое положение только начало болезни*, вероятно, немало лет пройдет в заключениях, в скитаниях повсюду, в нужде и лишениях. Но, зная церковную историю, нисколько не смущаюсь, избираю «страдать с людьми Божьими» лучше, нежели называться «сыном дочери Фараоновой»...»

12 октября епископ писал: «Я уже так и думал, что Вы, Елизавета Аполлоновна, уехали куда-либо на берега Волги, а Вы, оказывается, все на месте сидите. Сiju и я на месте, только разве несколько раз сделал прогулки в окрестности, больше по воде. Суша-то ведь здесь плохая, тотчас в болото попадешь. Хоть я и далеко забрался, но о московских делах хорошо осведомлен из разных источников, все эти сведения нарушают мирное течение жизни моей. Я могу быть равнодушен к моей собственной судьбе и жизни, но дело Церкви мне всегда будет дорого и близко.

Сейчас вижу только одно: сатана работает без передышки и завертел иных даже разумных людей. Правда, среди новых «деятелей» подавляющее большинство авантюристов и аферистов, от этих нечего и ждать, кроме глупостей, безобразия и озорства. Но прискорбно, что иные, кого считал порядочными, по каким-то соображениям взбесились. Надеюсь, что Вы не повторите теперь своего совета, будто нужно вместе с ними работать. Нет, лучше жить в ссылках и в изгнании, но играть Церковью и ее законами, говорить глупости – извините. Во всем виновата, конечно, Ваша возлюбленная, перед которой Вы так слепо преклоняетесь, то есть советская власть. Она искусственно создала расстройство церковного управления, арестовав людей, не имеющих никакого отношения к политике. Она, вопреки своим собственным законам, поддерживает группу головоотяпов... А где же закон об отделении Церкви от государства? А ведь все время твердят об этих законах. Какое же лицемерие, какая бессовестность. Явное гонение на всех, кто верен святому Православию...»

Через месяц епископ Иларион писал: «Трудная и даже изнурительная жизнь, которую по воле Божией я вел последние пять лет, имела следствием для моей личной жизни успокоение страстей, если и не полное, то весьма значительное... После двенадцати лет службы ничего не имею и желания иметь у меня нет. Иной бы ужаснулся, увидя меня сидящим в этой убогой комнате, и сказал: и это ты получил за двенадцать лет служения. А я очень доволен и рад тому, что живу здесь, главное – свободное время и книги... Вести о московской смуте доходят, и удивляюсь я низости человеческой и трусости крайней, за свое благополучие готовы все подписать, чему и не сочувствуют. Значит, никаких убеждений нет у людей. Я же надеюсь к грехам своим не прибавить еще отступничество, хотя

* В те годы словом «болезнь» обозначали в письмах арест и заключение.

бы и пришлось еще много путешествовать...»

Через несколько дней епископ писал: «Теперь можно положительно сказать, что изъятие ценностей было ненужным предприятием. Судя по отчетам, ценностей получено не более как на двадцать миллионов золотых рублей. Теперь сосчитайте, чего стоит само изъятие, перевозка, переливка (с угаром и... утечкой). Ведь в иных местах ящики для упаковки стоили столько же, сколько самые ценности. Прибавьте еще расходы по содержанию в тюрьмах тысяч арестованных по этому делу. Расходы на следствия и суды... Боюсь, не пришлось бы переплатить... Ведь в газетах лгали, что в храмах такие миллиарды, что ценностей будет поездов семь верст длины (это так писали бессовестные люди)... Бесчестные диоклетианы, нероны, декии прямо говорили: нельзя быть христианами, иначе казнь. А Ваши любимцы говорят и трубят на весь свет: у нас свобода совести самая полная, у нас отделение Церкви от государства. И в то же время на практике: а, вы не хотите подчиняться Красницкому, пожалуйста в кутузку, в ссылки. Только дайте свободу совести, и Живая церковь сдохнет, но этой-то свободы и нет... Покров я провел в тоске и скорби. На всенощной, которую служил в одной приходской церкви, даже расплакался, когда запели: «О, великое заступление печальным еси, Богородице Чистая». Повторяю слова псалма 136-го по адресу тех, кто разрушил наш сион. У Вас есть «Книга правил». Посмотрите... Вы увидите, что все красные попы и новые архиереи не имеют никакого священного сана и с ними нельзя иметь никакого общения. На этом я и утверждаюсь, что бы ни случилось при нашей «свободе» совести...»

9 ноября епископ писал: «Меня совершенно не интересует моя личная судьба, потому что внешнее положение для меня не составляет ничего важно-

го... Но я не могу не страдать и не говорить горячо, видя и понимая страдания Русской Церкви. Смута, произведенная негодяями... на чем держится? Она держится только на том, что сейчас преступно отменена свобода совести и уничтожено отделение Церкви от государства, установленные в основных законах... Есть люди, которых ссылают в дальние края именно как православных иереев, очищая место разным прохвостам. Это бессовестное издевательство над государственными законами людей, ослепленных своей глупой и тупой враждой к Православной Церкви, меня возмущает до глубины души. И разве это можно сколько-нибудь извинять. Это просто мерзко и больше ничего. Негодные люди были всегда, но никогда им не было такой свободы не только действовать, но и верховодить и «начальствовать»... Печальные мысли о церковных делах часто нарушают мой покой. Так что у меня за последнее время какой-то невроз, во сне все ругаюсь с самозванцами и отступниками, редкую ночь не вижу их во сне. Иногда даже за чтением внимание отвлекается от книги. Но благодарю Бога за все. Как у меня тихо, например, сейчас, поздно вечером, и целые дни свободен. Служу только два-три раза в месяц, больше нельзя по разным причинам, потому что нет свободы совести, то есть вероисповедания. Живу я очень скромно и убого, но душа моя насыщается за обильной трапезой книг по русской церковной истории. А ведь в Нижнем-то ересь господствует. Евдоким – один из предателей, взявший белый клобук из грязных и поганых рук Живой церкви. Молиться с таковыми нельзя...»

Так он прожил в Архангельске до конца года. Наступил Великий пост 1923 года, за ним – пасхальные дни, а там уже недалеко было и до окончания срока.

Владыка писал родным: «Провел первую неделю хорошо. Читал канон в

храме и вообще был за чтеца и певца за службами. Сейчас я живу будто ничего себе; да только кто может поручиться хотя бы и за один день жития нашего?..

«Самозванщина» у нас на носу, но еще ее нет. Ведь в Живой церкви самое главное – самозванство ее управителей, никем не выбранных и никем не назначенных, и никому не нужных. Потому благодати на самозванных архиереях здесь столько же, сколько на любом татарине. И с ними в общение я никогда не вступаю, что бы ни было. А что будет? Ну постранствую пять, может быть, десять лет. Что ж? И странствовать, может быть, хорошо. Так, как я здесь живу, жить еще можно...

Не красна наша изба углами, а пироги в ней бывают. Приносят люди добрые. Вообще никогда в жизни я столько пирогов не ел, сколько здесь. В праздники, например, до пяти разных сортов приходилось есть – с семгой, с треской, с омулем, с клюквой, с селедками свежими: их в нынешнем году небывалый улов в устье Двины. За последнее время что-то значительно увеличилось число мирносоиц и приношений разных. Пост, должно быть, умягчает сердца».

Епископ в это время получал много писем, часть из них приходила с оказией, часть по почте и предварительно просматривалась сотрудниками ГПУ. Обширная переписка послужила причиной того, что ГПУ решило арестовать Владыку и произвести у него обыск. Прочитав ордер на обыск и арест, епископ спросил: «Что же, вы арестуете меня независимо от результатов обыска?» Получив утвердительный ответ, Владыка остался совершенно спокоен. Увидя, что сотрудник ГПУ откладывает письма, епископ заметил, что напрасно он их откладывает, потому что все они прошли через ГПУ и просмотрены; вот и на днях он получил очень неаккуратно заклеенное письмо, что ясно свидетельствует о том, что

его в ГПУ уже прочитали. Пришедший во время обыска митрополит Серафим (Чичагов) заметил, что это, вероятно, какое-то недоразумение, которое обязательно выяснится, и Владыку освободят. Епископ Иларион только рукою махнул – какое уж там недоразумение.

Однако, несмотря на все попытки составить против епископа обвинение, этого сделать не удалось, и 15 декабря он был освобожден из тюрьмы. Но ГПУ не оставило намерения арестовать епископа, и за несколько дней до окончания срока ссылки, 13 июня 1923 года, в его квартире снова был произведен обыск. На этот раз вовсе ничего не нашли, кроме нескольких номеров газеты «Наука и религия». Один из сотрудников ГПУ спросил: «А где же письма, которые вы получали?» – «Письма я сразу прочитывал, писал ответ и уничтожал», – ответил епископ.

За день до окончания ссылки, вечером 21 июня, Преосвященного Илариона вызвали в Архангельское ГПУ и здесь объявили, что ему разрешено уехать.

5 июля 1923 года он уже был в Москве. В тот же день в шесть часов вечера он отслужил всенощную в Сретенском монастыре, где на другой день должен был служить Патриарх. В храме Сретенского монастыря до этого служили обновленцы, и епископ Иларион совершил чин освящения. Обращаясь к духовенству монастыря, он призвал его покаяться за участие в обновленчестве и противлении Патриарху, причем принести покаяние принародное; непокаявшихся он не допустит до службы и не разрешит им входить в алтарь.

На следующий день, на праздник Владимирской иконы Божией Матери, в Сретенском монастыре служил Патриарх. Народу собралось столько, что храм не мог вместить всех, и многие стояли в монастырской ограде. В проповеди Владыка говорил о празднике, о современной церковной жизни, об обновленчестве, о самозванцах-епископах.

Впечатление от проповеди было такое, что народ стал выкрикивать, что признает только Патриарха Тихона, многие плакали. Служба, начавшись утром, закончилась только в шесть часов вечера, после того как Патриарх благословил весь народ.

В тот же день один из руководителей обновленческого движения, священник Владимир Красницкий, написал в ГПУ: «Усердно прошу обратить внимание на крайне провокаторскую контрреволюционную деятельность тихоновского ассистента Илариона. 6 июля, проповедуя в Сретенском монастыре, он произнес такую погромную речь, что в толпе в ограде и на улице произошли физические столкновения и дело окончилось арестами.

За пережитые десять дней тихоновцы чрезвычайно обнаглели, держат себя вызывающе и готовы перейти к избиению, и это настроение — опреде-

ленно погромное и ярко антисоветское — создается им, епископом Иларионом.

Если его явно контрреволюционной деятельности не будет положен предел, то неизбежны общественные беспорядки и избиение церковных обновленцев».

Сразу же после возвращения епископа Илариона из ссылки Патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа. Ближайший помощник Патриарха, Преосвященный Петр (Полянский), был еще в это время в ссылке, и архиепископ Иларион стал помощником Патриарха.

15 ноября 1923 года архиепископ Иларион был арестован. 7 декабря комиссия НКВД по административным высылкам приговорила его к трем годам заключения на Соловках.

В январе 1924 года архиепископ прибыл на пересыльный пункт на Поповом острове. Здесь его застало известие о смерти Ленина. В то время, когда в Москве опускали в могилу гроб с телом

В Соловецком лагере особого назначения. 1924–1926 годы.
Архиепископ Иларион (слева сидит на скамье) среди вольнонаемных рабочих, бывших монахов, оставшихся на Соловках (в центре), и заключенных — сотрудников сетевязальной мастерской

Ленина, заключенные по распоряжению лагерного начальства должны были молча стоять пять минут. Владыка Иларион лежал на нарах, когда посреди барака стоял строй заключенных, среди которых были и священнослужители. «Встаньте, все-таки великий человек, да и влетит вам, если заметят», — убеждали его заключенные. Все кончилось, однако, благополучно, а Владыка, обращаясь к духовенству, сказал: «Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество».

В июне 1924 года после открытия навигации архиепископ Иларион был отправлен на Соловецкий остров; здесь он вязал сети на Филимоновской рыболовной тоне, был лесником, сторожем в Филипповой пустыни. Для него начался новый тернистый путь испытаний — невольная теперь была ссылка, а узы, концлагерь. Но Владыка и к этому испытанию был вполне подготовлен. То, что для другого могло явиться камнем преткновения и тяжелым переживанием, для него, православного богослова, стало украшением души. В лагере он сохранил монашескую нестяжательность, детскую незлобивость и простоту. Он просто отдавал всем все, что у него просили. Ни на какие оскорбления окружающих никогда не отвечал, казалось, не замечая их. Он всегда был мирен и весел, и если даже что и тяготило его, он старался скрыть это за своим благодушием. Из всего происходящего с ним он всегда стремился извлечь духовную пользу, и таким образом ему все служило ко благу.

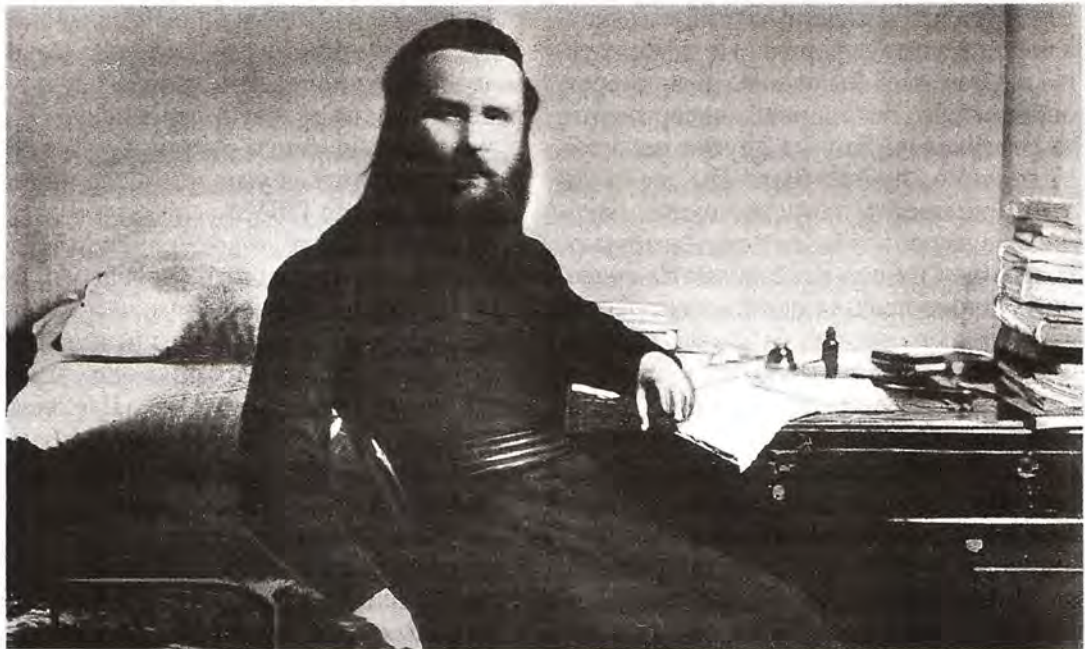
На Филимоновской рыболовной тоне в десяти километрах от главного Соловецкого лагеря он находился вместе с двумя епископами и несколькими священниками. Об этой своей работе он говорил добродушно: «Все подает Дух Святой: прежде рыбаки богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбаки показа».

Советская власть в это время всем давала равные сроки: и выдающемуся архиерею, славно потрудившемуся рядом с Патриархом Тихоном в борьбе со злыми врагами Церкви — обновленцами, и юноше-иеромонаху из Казани, чье «преступление» состояло в том, что он снял орарь с диакона-обновленца и не позволил ему вместе с собою служить.

«Любочестив бо сый Владыка, — говорил по этому поводу архиепископ Иларион, — приемлет последнего, якоже и первого; упокоевает в единадесятый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа. И дела приемлет, и намерения целует, и деяния почитает, и предложения хвалит».

Архиепископ Иларион, будучи подлинным христианским богословом, старавшимся воспринять Бога везде, на всяком месте, во всякое время, и самый Соловецкий лагерь воспринимал как суровую школу добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения и трудолюбия. Его было нельзя опечалить ничем — и это его настроение поднимало дух окружающих.

Ко всем он относился с подлинной любовью, пониманием и вниманием. В каждом человеке он ощущал образ и подобие Божие, жизнью каждого человека интересовался с неподдельным интересом. Он часами мог говорить с офицером, студентом, профессором и представителем уголовного мира, каким-нибудь известным вором, которого он с любопытством расспрашивал о его «деле» и жизни. Владыка всем был доступен. Его простота скрашивала и смягчала недостатки его собеседников. В его присутствии совершенно забывалось, что разговариваешь с одним из известнейших и выдающихся архиереев Русской Православной Церкви, ученым человеком, профессором Академии и одним из самых выдающихся русских богословов нашего времени. Воистину он был кроток и смирен сердцем, находя в этом покой не только

Архиепископ Иларион (Троицкий) в келье. Соловки, 1926 год

для своей души, но и вселяя мир и покой в смятенные души окружавших его людей.

Знавшие его в Соловках писали о нем: «Он доступен был всем... с ним легко всем. Самая простая внешность – вот что такое был Владыка. Но за этой заурядной формой веселости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенствование. Его обыкновенный вид скрывал от людей внутреннее делание и спасал его самого от лицемерия и тщеславия. Он был решительным врагом всякого лицемерия и показного благочестия. Каждого прибывавшего в Соловецкий лагерь священника Владыка подробно расспрашивал обо всех предшествовавших заключению обстоятельствах.

– За что же вас арестовали? – спросил Владыка прибывшего в лагерь игумена одного из монастырей.

– Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли, – ответил тот, – ну, собирался народ, и даже бывали исцеления...

– Ах вот как, даже исцеления бывали... Сколько же вам дали Соловков?

– Три года.

– Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть недосмотрела...»

Далеко был ныне Владыка от церковных событий. В лагере он узнал о смерти великого святителя Русской Церкви Патриарха Тихона, здесь же узнал, что во главе Русской Церкви стал Высокопреосвященнейший Петр, митрополит Крутицкий, к которому архиепископ Иларион относился с огромным уважением и почтением и не мог не порадоваться новому избранию Божию.

В это время советское правительство и ГПУ планировали в Церкви новый раскол. На этот раз его должен был возглавить архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), с которым Тучков уже провел переговоры и

тот выразил согласие возглавить церковную группу иерархов. Но в эту группу желательно было ввести архиерея, обладавшего бесспорным авторитетом, за которым пошли бы другие иерархи. И конечно, лучше было бы, если бы этот архиерей в данный момент находился в заключении, то есть длительное время был лишен всей полноты сведений о происшедших церковных событиях, тогда его можно было бы ограниченно ставить о них в известность, даже и с помощью подлинных церковных документов. Судя обо всех по себе, Тучков надеялся на силу соблазна, на то, что человек, долгое время находившийся в заключении, прельстится возможностью освобождения и согласится на компромисс. Но надежды Тучкова на соращение такого иерарха, как архиепископ Иларион Троицкий, оказались тщетны. Тучков не понимал и не мог понять этого благородного человека и выдающегося богослова. Владыка принимал советскую власть как государственную, которая рано или поздно, чтобы избежать саморазрушения и самоуничтожения, должна направить свои усилия к созидательной деятельности. И потому архиепископ предлагал Тучкову отринуть свои соглашения с бесплодным обновленчеством и заключить соглашение о взаимоприятии государства и Церкви, легализовать Русскую Православную Церковь, от чего государству, как бы оно ни называлось, будет одна только польза. Этого Тучков ни понять, ни принять не мог, находясь среди той когорты чиновников, которые только и умели, что ненавидеть и разрушать, и поэтому он не мог понять, почему архиепископ, признавая положительные начала за советским государством, а значит, и за его представителем, Тучковым, отказывается сотрудничать в мероприятиях, затеваемых таким государственным органом, как ГПУ.

Желая вовлечь архиепископа Илариона в раскол, Тучков распорядился пе-

ревезти его из Соловков в Ярославское ГПУ, предоставить ему отдельную камеру, возможность заниматься научной работой, вести деловую переписку и получать любые книги с воли, а тем временем попытаться уговорить его на сотрудничество с ГПУ.

5 июля 1925 года архиепископ Иларион был переведен из Соловецкого лагеря в ярославский политический изолятор. Оказавшись здесь, он писал своей родственнице: «Ты спрашиваешь, когда же кончатся мои мучения? Я отвечаю так: мучений я не признаю и не мучаюсь. При моем «стаже» меня ведь тюрьмой не удивишь и не испугаешь. Я уже привык не сидеть в тюрьме, а жить в тюрьме, как ты живешь в своей квартире. Конечно, нелепого в моей жизни и было, и есть немало, но нелепое для меня более смешно, чем мучительно. Зато есть у меня преимущества в моей жизни, из-за которых я согласен терпеть и разные нелепости... В самом деле, имею здесь отдельную келлию с достаточным освещением, с почти достаточным отоплением — и все это бесплатно. Нужно тратить только несколько рублей в месяц, чтобы пансион был достаточным — конечно, для такого безразличного к этим делам человека, как я. Но главное... самое милое то, что я могу без помехи отдаться своей первой и постоянной любви — науке, с которой жизнь было меня совсем разлучила... Здесь... меня ничто и никто не отвлекает. Кроме двух часовых прогулок в день да нескольких минут на обед или чай, остальное время я провожу за книгами. Я себе задал громадную тему, которую разве только в десяток лет можно разработать. Самый большой вопрос, конечно, книжный. Но на первое время я использую книги, которые можно достать. Доселе недостатка не имею и в книгах. Почти каждый месяц получаю от друзей из Москвы по ящику книг и каждый месяц их возвращаю, сделав нужные выписки.

Это только при моем теперешнем положении можно браться за чтение собранных сочинений в тысячи и даже десятки тысяч страниц. Не один десяток тысяч страниц я уже и проштудировал. Иные книги десятков лет лежали у меня, и все некогда было прочитать. Еще бы, если книга тысяча – тысяча двести страниц немецкого текста! А тут и до этих книг очередь дошла.

Словом, у меня настроение и духовное содержание жизни такое же, как было пятнадцать лет назад. Не хватает одного – академической библиотеки! Будь академическая библиотека, я бы попросил здесь приюта не до конца этого года, а по крайней мере до конца этого десятилетия. Что же поделаешь, если место для науки, интересной и важной для меня, только в тюрьме? Я тут не виноват ни в чем.

Ведь вот как устраивает Господь (через ОГПУ) жизнь мою: живу без нужды и без забот вот уже четыре года. Только и думаешь, какие и как книги достать. И это по моим указаниям добрые люди успешно исполняют. Вот и сегодня повестку получил: целый пуд книг пришел, а вон у стены стоит ящик с прочитанными, приготовленными к отправке. Вот и все мои заботы! А беззаботность – это для меня самое милое дело!

Всех поцелуй и всем Расскажи, как я нашел свою судьбу в тюрьме».

Тучков дважды приходил к архиепископу. Первый раз Тучков пришел к нему в камеру, где беседовал о церковных делах и о церковной жизни в настоящий момент. Но поскольку Владыка не был осведомлен о церковных событиях последних лет, проведя это время в концлагере, о чем он и упомянул, то беседа вышла малосодержательной. Во второй раз Тучков вызвал архиепископа в тюремную канцелярию и здесь снова завел разговор о церковных событиях последнего времени и между прочим предложил освободить архиепископа и

возвратить на Московскую кафедру, но с условием, что он поддержит одну из групп духовенства – имелась в виду григорианцы. Архиепископ ответил, что ему сначала нужно переговорить с ними, так как некоторые из них ему были неизвестны, а о других он знал слишком мало. Далее разговор коснулся современного положения Православной Церкви и, в частности, организации Высшего Церковного Управления. Владыка сказал, что по настоящим обстоятельствам Высшее Церковное Управление может быть только временным, но организация такого временного управления весьма желательна. Причем оно в своем начале не должно быть самозванным, то есть должно организовываться с согласия Патриаршего Местоблюстителя. Это Церковное Управление должно действовать в согласии с епископатом и объединять епископат. Оно ни в малейшей степени не должно напоминать характер деятельности так называемого обновленческого ВЦУ 1922–1923 годов. Православное Церковное Управление должно свою задачу считать ограниченной: его задача – созыв Собора, которому будет принадлежать полнота церковной власти. Что касается Собора, то он должен быть собран, а не подобран, как это было сделано ВЦУ в 1923 году. Собор должен организовать постоянное Церковное Управление, и при этом он должен рассеять подозрения, что за религиозной православной внешностью кроются политические вождедения.

Выслушав архиепископа, Тучков предложил письменно изложить содержание его взглядов на церковные нужды настоящего времени, что и было им сделано. Он написал документ в двух экземплярах: один был адресован Тучкову, другой – заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) (см. приложение в конце статьи).

Текст этой декларации совершенно не удовлетворил Тучкова. Все перегово-

ры его с Владыкой не привели ни к чему. Высокопреосвященнейший был непримирим к обновленцам, отказался поддержать григорианский раскол, выставил требования, чтобы новое Церковное Управление непременно имело благословение Местоблюстителя, митрополита Петра, и чтобы в него вошли архиереи, которые имеют на это благословение самого Местоблюстителя.

У архиепископа Илариона и Тучкова почти по всем пунктам были разные взгляды. Владыка предлагал государству и его представителям сотрудничать с Церковью, но на основании независимости Церкви, на основании положительного роста и духовной силы самой православной паствы, члены которой являются также и гражданами государства и, следовательно, составляют и его силу. Тучков требовал сотрудничества Церкви и ее иерархов на основе полного подчинения Церкви государству, что явилось бы самоуничтожением и уронило бы авторитет церковных иерархов в глазах верующих. В конце концов Тучков потребовал прямого сотрудничества и осведомительства, как если бы Владыка был одним из сотрудников ГПУ. Тучков желал прежде физического уничтожения своего врага уничтожить его нравственно. Архиепископ ответил на эти предложения резким, категорическим отказом. Видя, что погубить этого выдающегося иерарха не удастся, Тучков зло сказал: «Приятно с умным человеком поговорить. А сколько вы имеете срока в Соловках? Три года?! Для Илариона три года! Так мало?!»

26 февраля 1926 года архиепископа перевели из отдельной камеры в общую камеру тюрьмы в Коровниках. 15 марта Владыка писал родственнице о происшедших в его жизни переменах: «Есть здесь и плюсы и минусы. Плюсы: более свободная жизнь, неограниченная переписка... Минусы: я потерял свое милое одиночество, а вместе с

ним и возможность заниматься так, как занимался раньше. Днем-то у нас еще хорошо: в огромной камере всего шесть человек остается и можно немного почитать и пописать, но вечером собирается целых двадцать человек и тогда открывается такой дивертисмент, что просто беда. Камера, куда меня поселили, считается лучшей, в ней больше «интеллигенция», но увы! – теперь и интеллигенция мало отличается от дикарей по своим нравам.

Удивительное дело! Никто меня к тюремному заключению не приговаривал, и все-таки я сижу в тюрьме, где сидят все по определенным судебным приговорам. Но... удивляться уже давно перестал. Только почему это все со мной такие фокусы происходят? Ведь никого во всей тюрьме нет без приговора, кроме меня. Все наши прочие спокойно живут в Соловках, а я вот уже на второе место перебираюсь. Что-то еще неожиданного преподнесет мне время? Некоторые основания ждать нового у меня есть, но будет ли это все к добру – не знаю. Вообще у меня образовалась уже привычка к такой ненормальной и нелепой жизни. Как я тебе, помнишь, писал, я не сижу, а живу в тюрьме».

Отношение Владыки к обновленцам и всякого рода раскольникам оставалось непримиримым. И один из обновленческих архиереев, Гервасий Малинин, желая подчеркнуть эту непримиримость ближайшего помощника Патриарха Тихона, писал о нем в обновленческом журнале: «Я встретился на прогулке по двору в Ярославской тюрьме «Коровники» с архиепископом Иларионом Троицким. Он меня узнал и удивился, зачем я попал в тюрьму.

Он мне сказал:

– Зачем вы отошли от Патриарха Тихона и нарушили ту клятву, которую вы давали при хиротонии во епископа, что ничего общего не будете иметь с так называемой Живой церковью?

На это я сказал:

– Клятвы я не нарушал. С Живой церковью я не имел и не имею ничего общего.

– Вы отпали от Церкви, – сказал мне архиепископ Иларион.

– Это неправда, а вот вы, тихоновцы, фактически отпали. Восточные Патриархи не с вами, а с нами.

– Какие мы тихоновцы; что вы треплете имя покойного Святейшего Патриарха Тихона? Мы православные. Восточные Патриархи с нами, это я знаю документально, обновленцы врут. Введенский ваш изолгался...

Мне не пришлось с архиепископом Иларионом долго беседовать, потому что я тюремной администрацией был отозван и тут же освобожден из тюрьмы. На прощание мне архиепископ Иларион сказал:

– Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю...»

1 апреля архиепископу Илариону стало определенно известно, что в ближайшие дни его отправят с этапом на Соловки. Узнав об этом, он писал родным: «Это переселение для меня, пожалуй, приятно. Ведь сидеть взаперти мне вовсе не следует. А там куда свободнее. Да и знакомые мне все места-то там. Друзей у меня там масса. С ними охота и повидаться. Вот одно только не особенно приятно, это – путешествие. Пожалуй, до самой Пасхи буду я странствовать до берега, то есть до Попова...»

И зачем только меня тащили-то сюда? Пожалуй, и нужно было кое о чем поговорить, и говорили, да видно не очень-то речи мои понравились. Ну, что Бог ни делает, все к лучшему. Надеюсь, что и на этот раз будет именно к лучшему...»

В пересыльный лагерь на Попов остров Владыка прибыл незадолго до Пасхи, здесь нужно было дожидаться начала навигации, когда заключенных переправляли на Соловки. Пасха в лагере для некоторых оказалась удивительной и запомнилась на всю жизнь.

Вот как описывает ее священник Павел Чехранов:

«Кругом лес, колючая проволока, на высоких столбах будки... Людей нагнали в пункт видимо-невидимо. Вследствие весенней распутицы лесные работы закончились. И более тысячи человек возвращались обратно в лагерь. А весь лагерь рассчитан на восемьсот человек. Клуб закрылся и переделан под жилое помещение с нарами. В прочих бараках проходы застроены нарами, двойные нары переделаны в тройные – в три этажа. Даже в привилегированном канцелярском бараке теперь двойные нары, и вместо шестидесяти человек стало там сто двадцать. Кипятку сплошь и рядом не отпускалось, так как все котлы занимались под обед и ужин.

Приближалась Пасха. И как хотелось хотя и в такой обстановке совершить службу. «Как это так, – думал я, – даже и сейчас, когда просунуться поговорить через толпу затруднительно, как не пропеть «Христос воскрес!» в пасхальную ночь?..» И я решил подготовить свою братию. Повел разговоры с благодушнейшим епископом Нектарием (Трезвинским), епископом Митрофаном (Гриневым), епископом Рафаилом (Гумилевым) и епископом Гавриилом (Абалымовым). Последний и не подозревал, какая ему писанка готовится. Из прочей братии были оповещены отец Филонен и постоянный компаньон Владыки Илариона (Троицкого) шахматист отец Аркадий Маракулин.

Однако только архиепископ Иларион и епископ Нектарий согласились на пасхальную службу в незаконченной пекарне, где только одни просветы были прорублены – ни дверей, ни окон. Остальные порешили совершить службу в своем бараке, на третьей полке, под самым потолком, по соседству с помещением ротного начальства. Но я решил вне барака пропеть пасхальную

службу, дабы хотя бы в эти минуты не слышать сквернословия.

Сговорились. Настала Великая Суббота. Арестантский двор и бараки, как бочки с сельдью, были наполнены прибывшими с лесозаготовок. Но нас постигло новое испытание. Последовало распоряжение коменданта ротным командирам не допускать и намеков на церковную службу и с восьми часов вечера не впускать никого из других рот. С печалью сообщили мне епископы Митрофан и Гавриил это известие. Однако я своему «причту» настаивал: «Все же попытаемся в пекарне устроить службу». Епископ Нектарий сразу согласился, а архиепископ Иларион нехотя, но все же попросил разбудить в двенадцать часов.

В начале двенадцатого я отправился в барак, где помещался Владыка Нектарий. Двери были настежь открыты, и мне, быстро вошедшему, преградил дорогу дневальный.

– Не велено пускать никого из других рот.

Я остановился в нерешительности. Однако Владыка Нектарий был наготове.

– Сейчас, сейчас, – сказал он мне.

Я отправился к Владыке Илариону. Войдя стремительно в барак, я направился мимо дневального, который оказался несколько знакомым и расположенным ко мне.

– Пожалуйста, поскорее делайте и уходите. Не приказано...

Я кивнул ему головой, подошел к Владыке Илариону, который, растянувшись во весь свой великий рост, спал. Толкнул его в сапог, Владыка приподнялся.

– Пора, – сказал я ему шепотом.

Весь барак спал. Я вышел.

На линейке меня ожидал Владыка Нектарий. Вскоре к нам присоединился Владыка Иларион, и мы гуськом тихо направились к задней стороне барачков. За дорогой стоял остов недоконченной пекарни с отверстиями для окон и две-

рей. Мы прошмыгнули к нему по одиной. Оказавшись внутри здания, выбрали стену, более укрывавшую нас от взора проходящих по дорожке и плотнее прижались к ней; слева – Владыка Нектарий, посередине – Владыка Иларион, а я – справа.

– Начинайте, – проговорил Владыка Нектарий.

– Утреню? – спросил Владыка Иларион.

– Нет, все по порядку, с полунощницы, – ответил Владыка Нектарий.

– Благословен Бог наш... – тихо произнес владыка Иларион.

– Волною морскою... – запели мы полунощницу.

И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова. «Гонителя, мучителя под землю скрыва...» И вся трагедия преследующего фараона в этой особенной обстановке чувствовалась нашими сердцами как никогда остро. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. А сердце дышало радостью, что пасхальная служба совершается вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощницу. Архиепископ Иларион благословил заутреню.

– Да воскреснет Бог и расточатся врази его... – не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, Владыка Иларион.

Мы запели «Христос воскрес!» Плакать или смеяться от радости, думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню.

– Христос воскрес! – сказал Владыка Иларион, и мы все трое облобызались. Владыка Иларион сделал отпуст и ушел в барак. Епископ Нектарий пожелал и часы с обедницей совершить. И мы совершили вдвоем. Только я был за предстоятеля, Владыка Нектарий – за псаломщика, так он сам поже-

лал, ибо знал все песнопения, равно и чтения, наизусть.

Эта пасхальная служба осталась в памяти у Владыки Илариона... В 1927 году в мае он писал мне: «Вспоминаю прошлогоднюю Пасху. Как она отличается от сегодняшней! Как торжественно мы справили ее тогда!»

Да, обстановка Пасхи 1926 года была необычайна. Когда мы втроем ее справляли в недостроенной пекарне, в это время там, в Ростове, в залитом электрическим светом кафедральном соборе (захваченном обновленцами. — *И. Д.*) при участии чудного хора городское духовенство совершало тоже пасхальное торжественное богослужение. Но!.. Думается нам, наша кемская Пасха в пекарне без окон и дверей, при звездном освещении, без митр и парчовых риз дороже была для Господа, чем великолепно обставленная ростовская».

С началом навигации архиепископ Иларион был отправлен на Соловки. В это время здесь по благословению архиепископа Евгения (Зернова) была написана церковная декларация, которая, по мнению ее составителей, определяла положение Православной Церкви в новых исторических условиях, а также взаимоотношения Церкви и государства. Когда архиепископ Иларион прибыл на остров, текст декларации был уже прочитан и одобрен большинством архиереев. Единомыслен был с ними и Владыка, лишь выразил сомнение, не будет ли некорректным поучать заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия, но по размышлении согласился, что это послание будет иметь для митрополита значение совета, который он волен будет принять или нет.

О своей встрече с архиепископом Иларионом в этот период жизни Олег Волков в своих воспоминаниях писал: «Иногда Георгий уводил меня к архиепископу Илариону, поселенному в Филипповской пустыни, в верстах трех от монастыря. Числился он там сторожем.

Георгий уверял, что даже лагерное начальство поневоле относилось с уважением к этому выдающемуся человеку и разрешало ему жить уединенно и в покое.

Преосвященный встречал нас радушно. В простоте его обращения было приятие людей и понимание жизни. Даже любовь к ней. Любовь аскета, почитавшего радости ее ниспосланными свыше.

Мы подошли к его руке, он благословил нас и тут же, как бы стирая всякую грань между архиепископом и мирянами, прихватил за плечи и повлек к столу. И был так непринужден... что забывалось о его учености и исключительности, выдвинувших его на одно из первых мест среди тогдашних православных иерархов.

Мне были знакомы места под Серпуховом, откуда был родом владыка Иларион. Он загорался, вспоминая юность. Потом неизбежно переходил... к суждениям о церковных делах России.

— Надо верить, что Церковь устоит, — говорил он. — Без этой веры жить нельзя. Пусть сохранятся хоть крошечные, еле светящиеся огоньки — когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму тут прожил, когда и дня не бывает — потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо — кругом лес, тишина, мрак. Словно конца им нет, словно пусто везде и глухо... Но «чем ночь темней, тем ярче звезды...» Хорошие это строки. А как там дальше — вы должны помнить. Мне, монаху, впору Писание знать».

В ноябре заканчивался трехлетний срок заключения архиепископа, и перед концом навигации он был перевезен с острова на материк. 19 ноября 1926 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Владыку к трем годам заключения на Соловках. Его обвинили в том, что он разгласил содержание разговоров с Тучковым. Прибыв

на Соловки, Владыка шутил: «На повторительный курс остался».

Осенью 1927 года началось новое смятение, отчасти связанное с публикацией декларации митрополита Сергия. Архиепископ Иларион, отличавшийся большой выдержкой и мудростью, обладая широким историческим кругозором, собрал в «келью» архимандрита Феофана полтора десятка епископов, некоторые из которых стали соблазняться происходящим на воле смятением, и убедил святителей ни при каких условиях не идти на раскол. «Никакого раскола! – сказал он. – Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это, как на провокацию!»

Летом 1928 года архиепископ писал в своих письмах на волю по этому поводу: «Что реку о всем? А то, что всем отделяющимся я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13–15 Двукратного Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно ошибочное, вовсе не есть *casus belli**. Точно так же и все касающееся внешнего права Церкви (то есть касающееся отношения к государственной политике и подобное) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и Синода его, чтобы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1721 по 1917 год. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и однако ведь не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы... Утверждаются

часто на бабьих баснях... Что поделаешь. Ухищрения беса весьма разнообразны. А главное, есть *tertius quadeus**, и ему-то все будто подрядились доставлять всякое утешение. Да, не имеем мы культуры и дисциплины. Это большая беда...»

«Открытку Вашу получил. Рад, что письмо мое Вы получили, которого долго ждали, но только что не по моей вине долго дожидаться не могли. Больше тут Ваши приятели виноваты, которые совсем нехорошо поступают, что хоть не пиши совсем. Ну, еще какие письма получил, то скажу так. Везде писаны пустяки, кто напротив пишет. Какую штуку выдумали. Он, мол, отступник. И как пишут. Будто без ума они. Сами в яму попадают и за собой других тащут. А Осиповы** письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели. Значит, и отступник. Это глупость. Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Допрежде по каким пустякам должность меняли и еще рады были, а теперь заскандалили. А теперь для пользы дела, не по интересу какому. Лучше дома жить, это что говорить, да от кого это зависит. С ним ничего не поделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет. Значит, ругается по пустякам и зря, вред и себе, и другим делает...»

Пошел новый трехлетний срок, снова пришлось переживать зиму на Соловках. Хотя и вместе с архиереями-друзьями, такими, как архиепископ Херсонский Прокопий (Титов), а все же в неволе. Неволя делала зыбким и непрочным всякое начинаемое дело. Сегодня ты начал исследование, для которого потребовалось немало времени и сил, а зав-

* Третий радующийся (*лат.*), то есть человек, выигрывающий от распри двух сторон.

** Митрополит Иосиф (Петровых).

* Повод к войне (*лат.*).

тра тебя переводят в другое место, хотя бы и в пределах того же Соловецкого острова, но надзиратели устраивают обыск, и от трудов твоих не остается следа. Работать и что-либо записывать в таких условиях было почти то же, что стараться написать книгу, находясь на корабле во время неумирающего шторма. Только то, может быть, и было утешительно, что сходить в праздник Крещения на реку и видеть, как у иордани три оленя остановились и смотрят на это чудо освящения вод.

Родственнице архиепископ в это время писал: «Меня хоть никто дедушкой не называет. Однако иной раз случилось, что стариком назовут, и то странно слышать. Меня больно уж борода выдает – поседела, как неведомо что. Однако душа, чувствуется, еще не постарела. Интересы в ней всякие живут и рождаются. Интересы эти приходится удовлетворять чтением, потому что для настоящих занятий нет, понятно, соответствующих условий. Часто является досадливая мысль: вот если бы иметь столько свободы от работ и столько досуга в академической обстановке! Но подосадуешь, подосадуешь, да тем и ограничишься. А раскроешь книгу посерьезней – оказывается, далеко не всегда ее можно читать – внимание рассеивается тем, что окружает и что вовсе неинтересно.

С внешней стороны жизнь моя сравнительно сносная – голоден не бываю, в квартире не мерзну, одеться имею во что (хотя нередко так одет, что и ты бы не узнала), поговорить есть с кем, забот на душе почти никаких. Видишь, сколько преимуществ имею! Но, конечно, долгонько зажился я на Белом море...

Выкинут я стихийно на далекий остров. Но сожаления я стараюсь не травить в душе моей, на окружающее стараюсь не обращать внимания, а жизнь наполнять тем, чем можно. И так за долгие годы привык и живу не тужу. На лучшее не надеюсь, от худше-

го не отрекаюсь. Какова есть о мне воля Божия – так пусть и будет».

Подходил к концу очередной срок заключения. В конце лета и осенью 1929 года Владыка писал родственнице: «Живу я все по-прежнему, вполне благополучно, без нужды и горя. Никуда я не трогаюсь с места. Вот уже два года, как живу в одном и том же доме, среди леса, между морским заливом и озером... Про свое ближайшее будущее ничего, конечно, не знаю. Хоть ничего хорошего не жду. Вот сейчас я не чувствую себя переутомленным, потому что здесь мне легче жить, нежели было всегда раньше, только не вырос я духовно ничуть, а только поглупел. Но в этом вина не моя одна, хотя есть и моя. Вероятно, можно было бы прожить эти годы с большей пользой...»

«Получил от тебя известие о Липицах... А вот мне придется ли когда-нибудь увидеть родные места, где так много перемен, где одни выросли, другие совсем исчезли. Не знаю, но мне порой очень хотелось бы в тех местах побывать. Правда, до так называемого срока остается всего месяц один: да ведь это ровно ничего не значит. Одно разве только значит: бери вещи через плечо да и начинай странствовать, причем самым неудобным и гнусным способом...

Живу-то я без нужды, но жизнь невеселая и мало содержательная. Так только время пропадает неважно и иной раз приходят такие мысли. Вот, например, за шесть лет (с 1906 до 1912 года) прошел курс академический. Сколько наук прошел, сколько сочинений написал! Магистерскую даже защитил. Из мальчика, приехавшего из Тулы, стал совсем человеком. А за последние шесть лет – что? Одно горе, одна грусть! Пропали лучшие годы, а их не так уж много впереди осталось. Больше осталось позади. Вот эта потеря невознаградима. И сколько их пропадет еще!

Вот такие мысли приходят порой, и, понятно, невесело от них становится. Но успокаиваешься на том, что ты сам во всем нисколько не повинен. Видно, в такую полосу историческую попал, что должна жизнь пропадать без дела и без пользы. И еще есть утешение в том, что не один ты в таком положении, а иные и в худшем. Ведь у меня нет еще борьбы за кусок хлеба, а сколько людей в этой борьбе опустошают жизнь свою...»

Незадолго до окончания срока и выезда с Соловков архиепископ писал родным: «Дожил я уже до осени и этого года. Только осень у нас прямо удивительная – доселе нет ни холода, ни снега: иной раз дождичек сыплет и сыплет, а иной раз и сухо станет. А в прошлые годы в это время всегда ходил по льду озера. 15 ноября исполняется пять лет, как я странствую, – если, конечно, считать, что лето 23-го года я жил сколько-нибудь оседло (а это весьма сомнительно). Сейчас я переживаю не вполне приятное состояние полной неизвестности: уеду ли я отсюда или опять останусь. Если уеду, то скоро, но сменяю ли я в этом последнем случае ястреба на кукушку – тоже неизвестно. Словом, внутри у меня неизвестность и неопределенность. Чего пожелать самому себе – тоже не знаю. Ведь в иных отношениях у нас здесь лучше вашего, да и прижился за долгие годы. Только душа просит нового...»

14 октября 1929 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа к трем годам ссылки в Казахстан. Самое мучительное было в том, что теперь от Белого моря через всю страну до самых южных границ он должен был проехать этапным порядком, многократно оставаясь на неопределенный срок в пересыльных

тюрьмах. По сравнению с тем, что ему предстояло теперь, Соловки были отдыхом. Почти сразу же после отправки на материк его обокрали, и в Петроградскую тюрьму он прибыл в кишачем паразитами рублище. Впереди его ждал новый срок. Но у Господа был свой срок жизни праведника. На этапе Владыка заболел тифом и 19 декабря был помещен в тюремную больницу, путь к которой, изнемогая от болезни, ему пришлось пройти пешком. Из больницы он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, по дороге; в субботу, 28 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли переживу...»

В больнице ему сказали, что его надо обрить; Владыка ответил: «Делайте со мной теперь, что хотите...» В бреду он говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет...»

За несколько минут до кончины к нему подошел врач и сказал, что кризис миновал и теперь он может поправиться. Святитель в ответ едва слышно сказал: «Как хорошо! Теперь мы далеко от...» – и с этими словами тихо скончался.

Это было 28 декабря 1929 года. Митрополит Серафим (Чичагов), занимавший тогда Санкт-Петербургскую кафедру, добился, чтобы тело святителя было отдано из тюремной больницы для церковного погребения. Тело почившего Владыки в белом архиерейском облачении было положено в приготовленный гроб и перевезено в храм Новодевичьего монастыря, где состоялось отпевание. В отпевании и погребении святителя участвовали митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Алексей (Симанский), епископ Амвросий

Освящение памятника Святителю Николаю →
вблизи Николо-Угрешского монастыря. 22 мая 1998 года

(на развороте вкладки)
Новодевичий монастырь в Москве

**ВСТРЕЧА СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
АЛЕКСИЯ С КОРОЛЕМ НОРВЕГИИ**
26 мая 1998 года

Предстоятель Русской Православной
Церкви и король Норвегии Харальд V
в нижней, Преображенской церкви
Храма Христа Спасителя

Высокие гости в музее Храма Христа
Спасителя

(Либин), епископ Сергей (Зенкевич) и множество духовенства.

Отпевание закончилось в четыре часа дня. После этого подняли гроб и понесли на кладбище Новодевичьего монастыря. Впереди гроба шли певчие, певшие «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение...» Дойдя до могилы, поставили гроб, отслужили последнюю литию, поклонились почившему архипастырю и стали опускать гроб в могилу. Епископ Амвросий взял первый комок земли, бросил на гроб, сказав: «Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней...» Быстро вырос небольшой холмик, и был поставлен белый крест с надписью: «Архиепископ Иларион Троицкий». Затем все стали расходиться с кладбища; и в это время торжественно и празднично затрещивали колокола, обгоняя один другого. И вспомнились одному из участников погребения слова, звучавшие на отпевании: «Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней. Той на морях основал ю естъ, и на реках уготовал ю естъ. Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сер-

**Могила Владыки Илариона
на Новодевичьем кладбище Петербурга**

дцем... Сей примет благословение от Господа, и милостыню от Бога, Спаса своего...» И понял он, о чем этот звон, как будто пасхальный. «Это ангелы на небе радовались новому святому...»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Последние два года я не участвую в церковной жизни, имею о ней лишь отрывочные и, возможно, неточные сведения. Поэтому для меня затруднительно суждение о частностях и подробностях этой жизни, но, думаю, общая линия церковной жизни и ее недостатки, и ее болезни мне известны. Главный недостаток, который чувствовался еще и раньше, – это отсутствие в нашей Церкви Соборов. С 1917 года, то есть в то самое время, когда они особенно были нужны, так как Русская Церковь не без воли Божией вступила в совершенно новые исторические условия; условия необычные, значительно отличающиеся от ранних условий – церковная практика, включая постановления Собора 1917/18 годов, к этим условиям не приспособлена, так как она образовалась в иных исторических условиях. Положение значительно усложнилось со смертью Святейшего Патриарха Тихона. Вопрос о местоблюстителе, поскольку мне известно, тоже сильно запутан, церковное управление в полном расстройстве. Не знаю, есть ли среди нашей иерархии и вообще среди сознательных членов Церкви такие наивные и близорукие люди, которые имели бы нелепые иллюзии о реставрации и свержении советской власти и т. п., но думаю, что все, желающие блага Церкви, сознают необходимость Русской Церкви устраиваться в новых исторических условиях. Следовательно, нужен Собор, и прежде всего нужно просить государственную власть разрешить созвать Собор. Но кто должен собрать Собор,

сделать для него необходимые приготовления – словом, довести Церковь до Собора. Поэтому нужен теперь же, до Собора, церковный орган. К организации и деятельности этого органа у меня есть ряд требований, которые у меня, думаю, общие со всеми, кто хочет церковного устройства, а не расстройств, мира, а не нового смятения, некоторые из этих требований я и укажу.

1. Временный церковный орган не должен быть в самом начале самовольным, то есть должен при своем начале иметь согласие Местоблюстителя.

2. По возможности во временный церковный орган должны войти те, кому поручено Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским) или Святейшим Патриархом.

3. Временный церковный орган должен объединять, а не разделять епископат, он не судья и не каратель несогласных – таковым будет Собор.

4. Временный церковный орган свою задачу должен мыслить скромной и практической – созвание Собора. Последние два пункта требуют особого пояснения. Над иерархией и церковными людьми витает отвратительный призрак ВЦУ 1922 года. Церковные люди стали подозрительны. Временный церковный орган должен как огня бояться хотя бы малейшего сходства своей деятельности с преступной деятельностью ВЦУ. Иначе получится только новое смятение. ВЦУ начинало со лжи и обмана. У нас все должно быть основано на правде. ВЦУ, орган совершенно самозванный, объявил себя верховным вершителем судеб Русской Церкви, для которого не обязательны церковные законы и вообще все божеские и человеческие законы. Наш церковный орган – только временный, с одной определенной задачей – созвать Собор. ВЦУ занялось гонениями на всех ему не подчиняющихся, то есть на всех порядочных людей из иерархии и из других церковных деятелей, и, грозя направо и налево казнями, обещая милость покорным, ВЦУ вызвало нареkanie на власть, нареkanie, едва ли желательное для самой власти. Эта отвратительная сторона преступной деятельности ВЦУ и его преемника, так называемого Синода, с его Соборами 1923–1925 годов, заслужило им достойное презрение, доставив много горя и страдания неповинным людям, принесла только зло и имела своим следствием только то, что часть иерархии и несознательных церковных людей отстала от Церкви и составила раскольническое общество. Ничего подобного, до самого малейшего намека, не должно быть в действиях временного церковного органа.

Эту мысль я особенно подчеркиваю, потому что здесь именно вижу величайшую опасность. Наш церковный орган должен только созвать Собор. Относительно этого Собора обязательны следующие требования.

5. Временный церковный орган должен собрать, а не подбирать Собор, как это сделано печальной памяти ВЦУ в 1923 году. Собор подобранный не будет иметь никакого авторитета и принесет не успокоение, а только новое смятение в Церкви. Едва ли есть нужда увеличивать в истории количество разбойничьих Соборов; довольно и трех: Эфесского 449 года и двух Московских 1923–1925 годов. Самому же будущему Собору мое первое пожелание то, чтобы он мог доказать свою полную непричастность и несолидарность со всеми политически неблагонадежными направлениями, рассеять тот туман бессовестной и смрадной клеветы, которыми окутана Русская Церковь преступными стараниями злых деятелей (обновления). Лишь только настоящий Собор может быть авторитетным и сможет внести успокоение в церковную жизнь, дать покой измученным сердцам церковных людей. Я верю, что на Соборе обнаружится понимание всей важности ответственного церковного момента и он устроит церковную жизнь соответственно новым условиям, и Русская Церковь после Собора сможет в полной мере воспользоваться той религиозной свободой, которая установлена в законах Союза Республик.

Архиепископ ИЛАРИОН (Троицкий)

Город Ярославль, 13/26 февраля 1926 года

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письма архиепископа Илариона к священнику Леониду Михайловичу Архангельскому и его жене Лидии Павловне, двоюродной сестре архиепископа.
2. Московские церковные ведомости. 1913. № 17. С. 328–330.
3. Там же. 1914. № 32. С. 584–586.
4. Богословский вестник. 1916. № 2. С. 69–72.
5. Там же. 1917. № 6–7. С. 142–147; № 8–9. С. 275–279.
6. *Михаил Польский, протопресвитер*. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1949. Т. 1. С. 125, 126, 128–134.
7. *Виноградов В., протоиерей, профессор*. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона. 1923–1925. Мюнхен, 1959. С. 22–32.
8. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994.
9. Документы ЦА УФСБ.

Иеромонах ДАМАСКИН (Орловский)

Свято-Димитриевское училище сестер милосердия

Комитета здравоохранения г. Москвы

*Создано по благословению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия II*

Единственное государственное образовательное учреждение
России, готовящее православных медицинских сестер

**объявляет набор
на дневное и вечернее отделения**

Телефон для справок 237-54-67.

Адрес: 117774, Москва, Ленинский просп., д. 8, корп. 5.

Невеста Христова

Путешествие в монастырь великомученицы Марины

«Царь островов» Средиземного моря – такое название получил в древности остров Крит за свою заметную величину и несравненную красоту. Таким он остается и в наши дни. Если такие острова, как Родос или Кипр, можно объехать вдоль и поперек за один день, то с Критом дело обстоит по-другому: на знакомство с ним требуется неделя-другая, а то и целый месяц.

Крит – рай для паломников, святыни здесь на каждом шагу. Поедешь ли в горы, где сосновые и эвкалиптовые рощи перемежаются обширными пастбищами с сочной травой, или спустишься на равнину, к нежно-биралловому морю, поражающему игрой красок, особенно во время тихих закатов, – везде встретишь церковь, монастырь или часовню.

«Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые», – писал о жителях острова поэт Эпименид, живший за шестьсот лет до Рождества Христова, сам уроженец Крита (это свидетельство признает справедливым и повторяет в своем послании к Титу апостол Павел). Сказанное, конечно, относится к язычникам, современные критяне отнюдь не таковы: они очень набожны. Когда автобус, городской или междугородный, проезжает мимо храма, все пассажиры осеняют себя крестным знаменем. Святая Пелагия, святой Георгий, святая Параскева, святой Иоанн Богослов, святая Ирина – все это названия... сел и маленьких городов. Представьте себе, как чтут критяне своих небесных заступников, если дают их имена населенным пунктам.

Один из самых красивых городов Крита носит имя Святителя Николая. Он находится в восточной части острова, на берегу чудесного залива с романтическим названием Мирамбело. А вот

небольшое село Святитель Николай находится на другом конце острова, однако по живописности окрестностей, голубизне моря (местечко расположено на берегу залива Соуда), чистоте воздуха и гостеприимству жителей несколько не уступает своему городскому собрату.

Передо мной стояла трудная задача: выбрать паломнический маршрут. Можно было, преодолев горную гряду, посетить Гортис, древнюю столицу острова, можно было направить путь в северные города Ретимно и Ханью, а можно было остаться в Ираклио, современной столице Крита, – везде ожидали великие православные святыни. Посоветовавшись с Владыкой Тимофеем, архиепископом Критским, я решил поехать в монастырь святой великомученицы Марины (эту святую очень почитают все верующие греки, в том числе и жители Крита).

Городской автовокзал. Постоянно подъезжают и отъезжают автобусы – большие удобные «Мерседесы» (других марок я не видел). Отыскать «свой» автобус не так-то просто – их очень много. Я обратился к диспетчеру (любой житель острова свободно владеет английским), и меня тут же проводили к машине. Пассажиров двое или трое. Трогаемся. Минут десять–пятнадцать медленно тащимся по чрезвычайно загруженным транспортом и пешеходами центру города – мимо высоких ярких витрин, частных магазинов, лавочек и деловых контор.

Наконец город выпускает нас на свободу. Впереди рыжевато-серые холмы, а еще дальше, в белесом мареве, виднеются отроги горного хребта Дикти. Дорога очень живописна: она то петляет на крутых поворотах, огибая глубокие ущелья, то бежит по склонам холмов, как бы опоясывая их узенькими

Монастырь святой великомученицы Марины в д. Вóни (остров Крит)

ремешками, то ныряет в долину, то опять поднимается на отлогую возвышенность. Довольно часто встречаются деревушки – небольшие, ослепительно белого цвета – как будто дети, играя, сложили их из аккуратных кубиков.

Любуясь новыми для меня пейзажами, наблюдая за пожилыми и молодыми греками, которые выходили и входили в автобус (это в основном сельские жители), слушая их неторопливые будничные разговоры, я мысленным взором перенесся в седую древность, в те времена, когда на этот остров ступила нога святого апостола Павла. Возможно, он видел эти же задумчивые спокойные холмы, эти же зыбкие горные вершины на горизонте, эту же сверкающую полоску моря позади – ничего с той поры не изменилось, мир остался тем же. Именно он принес сюда Евангельское учение, поставил первого епископа – им стал верный ученик апостола Тит, которого мы знаем из апостольского послания. «Для того я оставил тебя в Крите, – напоминает ему Павел, – чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров...» (Тит. 1, 5).

Почва, на которой сеял первоверховный апостол и его ученики, оказалась очень плодородной. В последующие века на Крите подвизался целый сонм великих угодников Божиих. Лучше всех мы знаем, пожалуй, преподобного Андрея Критского, автора Великого покаянного канона, который читается каждый год в начале первой седмицы Великого поста. Известен и еще один Андрей Критский, преподобномученик, пострадавший в первом веке от императора-иконоборца Копронима. Слово звезды алмазы сияют на церковном небе имена десяти мучеников Критских, желавших принять смерть за Христа, святителя Мирона и других подвижников благочестия.

В наши дни Критская Церковь находится в юрисдикции Константинопольского Патриархата и пользуется широкой автономией. Ее Предстоятель носит сан архиепископа, все остальные епископы образуют при нем Священный Синод. С 1956 года Критскую Церковь возглавляет архиепископ Тимофей, один из старейших иерархов православного мира, глубокий молитвенник и аскет.

На острове находится Православная Духовная академия, основанная в 1968 году. Она является центром проведения научно-богословских конференций и семинаров, посвященных самым разнообразным и злободневным вопросам православной жизни и диалогу с другими христианскими конфессиями. В частности, в октябре 1997 года здесь проходила международная конференция специалистов по биоэтике, в которой приняли участие более 60 делегатов со всего мира (в том числе и из России).

Критская Церковь состоит из восьми епархий. На острове сейчас более восьмисот только приходских храмов; кроме того, существует множество храмов при разных учреждениях, гимназиях, больницах, а также кладбищенских, войсковых и домовых храмов. На Крите около ста монастырей. И хотя многие из этих обителей имеют всего по несколько насельников, само их количество говорит об укорененном в веках глубококом благочестии критян.

С давних пор жители Крита известны как предприимчивые коммерсанты и опытные мореплаватели, этому очень способствовало географическое положение острова, расположенного на пересечении морских торговых путей между Европой, Азией и Африкой. Морские путешествия, полные опасностей и неожиданностей, приучили критян во всем полагаться не на себя, не на свои способности, не на свое навигационное искусство и прочность судов, а прежде всего на волю Господню, заступничество Пресвятой Богородицы и угодников Божиих. Отправляясь в дальнее плавание или возвращаясь из удачной торговой экспедиции, жители острова нередко возводили обетные церкви. Такие домовые храмы, посвященные, как правило, Божией Матери, Святителю Николаю, Спиридону Тримифунтскому или святому Мине, есть, наверное, в каждой семье, так или иначе связанной с морем.

В этих храмах богослужение совершается не часто — только один раз в год, в престольный праздник, но и запоминается оно надолго. На Литургию собираются представители всего рода, люди разных поколений, живущие как на острове, так и за его пределами. Приглашается много гостей. Большая часть участников торжества обязательно причащается Святых Христовых Таин. Ну а затем следует неременная трапеза. Столы устанавливаются на открытом воздухе, в тени виноградных лоз. Звучат речи, тосты, и всем заморским винам предпочитается домашнее вино. Песни чаще всего посвящены святым — покровителям мореплавателей. Молодежь окружает стариков и до поздней ночи слушает волнующие рассказы и воспоминания о рискованных морских экспедициях, о внезапных жестоких штормах, в которых и люди, и груз, и надежды должны были неминуемо погибнуть, но случилось чудо, и все заканчивалось благополучно — во славу Единосущной и Нераздельной Пресвятой Троицы. Лучшие страницы самых известных произведений писателей-маринистов рядом с этими рассказами выглядят бледными тенями.

А вот и деревня Вóни, конечный пункт моего путешествия.

— Хéретэ, — говорю я, обращаясь ко всем пассажирам.

— Хéретэ (до свиданья), — отвечает за всех водитель. — Иди по этой улочке и как раз попадешь в монастырь.

Белоснежные стены, высокая, видная издалека колокольня, которую венчает большой крест, купол византийского храма, служебные корпуса — монастырь предстал передо мной во всей красе. Он прижался к склону горы, словно ища у нее защиты; справа простиралась необозримая равнина — виноградники и садовые участки перемежались оливковыми рощами.

В конце прошлого века, когда на острове господствовали турки, на этом месте находилась старая разрушенная церковь. Однажды крестьянин Иоанн Капарунакис, родом из Трапсано, совершая по своим делам долгий переход из Аркалохори, остановился в этом месте отдохнуть. Он страдал тяжелым недугом. С большим трудом поднялся на склон, где в тени деревьев струился источник святой великомученицы Марины. Иоанн сотворил молитву и, выпив всего один глоток воды, почувствовал себя совершенно здоровым. Радости его не было предела. Он встал на колени и поблагодарил святую Марину за исцеление.

В деревне крестьянин узнал, что земля, на которой находилась церковь, принадлежала турку Бейю.

– Я хочу купить свою землю, – сказал он турку.

– Для чего?

– Чтобы восстановить церковь.

– Ты бедняк и у тебя не найдется нужной суммы.

– Я продам свой дом, весь скот и все свое имущество.

– Если бы ты доверху наполнил все мои сундуки золотом, то и тогда я не продал бы тебе эту землю!

– Почему?

– Потому что эта церковь христианская, а я ненавижу христиан!

– Но...

– Замолчи, несчастный! – взревел турок, побагровев от гнева. – Беги из этих мест, пока я тебя не убил!

Иоанн немедленно покинул деревню.

Бей, еще не остыв от гнева, позвал своих троих детей.

– Гоните скот на водопой, – распорядился он.

– На ручей?

– Нет, на источник у церкви. Он только для того и годится, чтобы поить скот.

Овцы, козы, коровы и быки, утолив жажду, в ту же секунду околели. Дети со злости осквернили источник, побро-

сав в него навоз. Возмездие настигло их сразу – они стали трястись как в лихорадке.

Бей пришел в неопишемую ярость. Он решил убить Иоанна, жалея, что не сделал этого раньше. Он вскочил на коня и отправился в Трапсано. Путь был неблизкий, и, пока он ехал, гнев его утих. «Что толку, если я убью этого бедняка, – размышлял Бей. – Его Бог поразит за это не только меня, но и мою жену. Кончу дело миром, и тогда мои дети, может быть, выздоровеют».

Прибыв в Трапсано, турок отыскал Иоанна.

– Слушай, – сказал он, – я передумал: я отдаю тебе эту землю.

– Я заплачу тебе за нее сполна, как и обещал, – ответил обрадованный крестьянин.

– Нет, нет, денег мне не надо, – сказал Бей, – я тебе ее дарю... А ты знаешь, как мы называли эту землю?

– Нет.

– Мы называли ее «псири» («полная тли»).

– Почему?

– Мы заметили: если в день памяти святой Марины, то есть семнадцатого июля, мы собирали в поле урожай, то появлялось несметное количество тли, которая пожирала все злаки.

За короткое время Иоанн с помощью других христиан восстановил разрушенную церковь. В ней возобновились богослужения. Когда Иоанн отошел ко Господу, то его похоронили рядом с храмом.

Шестьдесят лет назад в этом месте был открыт женский монастырь. Над старой, древней церквушкой христиане построили новый большой храм во имя святой великомученицы Марины.

Через открытые ворота вхожу в монастырь. Громадный, выложенный белыми плитами двор. Высокие пальмы с ажурными изящными ветвями, похожи-

ми на струи парковых фонтанов. Несколько беленьких пластмассовых столиков с такими же легкими удобными стульями – очень похоже на открытое уличное кафе. В центре монастыря – храм, очень стройный, легкий, с цветными витражами. Большой двухэтажный сестрический корпус. Наверное, не меньше ста сестер здесь подвизается, подумал я. Но где же они? Это для меня оставалось загадкой – уже минут пятнадцать–двадцать я знакомился с монастырем, однако не встретил пока ни одного человека. В наших, русских монастырях меня непременно остановили бы у входа, спросили бы, кто я, откуда, с какой целью приехал, и на территории обители я увидел хотя бы нескольких человек, а тут... никого. Наверное, час отдыха, подумал я.

Я прошел в дальнюю часть обители и тут наконец встретил пожилого человека в рясе, который поливал из шланга цветы. Увидев меня, он положил шланг и широко улыбнулся, как будто встретил старого знакомого, которого давно не видел и встрече с которым очень рад. Это был отец Каллиник. Мы прошли с ним по монастырю, отдохнули под одной из пальм, попили чаю... монахинь по-прежнему не было видно.

– Завтра большой праздник, – сказал я.

– Какой?

– Святителя Николая. В честь перенесения его святых мощей из Мир Ликийских в Бари.

На лице отца Каллиника появилось недоуменное выражение:

– Мы не знаем такого праздника.

Этой фразой собеседник меня просто оgorшил.

– А Литургия будет завтра? – спросил я с замиранием сердца. Пусть на всем Крите я один буду отмечать этот великий праздник – главное, чтобы была Литургия.

– Нет, Литургии не будет, – произнес отец Каллиник, не понимая, какое боль-

шое огорчение доставили мне его слова.

Я привык, что в Москве и по всей России в этот день все храмы переполнены и многие христиане причащаются Святых Христовых Таин. Неужели я завтра останусь без причастия?

– А что вы будете служить?

– Утреню.

– И все?

– Да.

Я попытался упротить отца Каллиника, чтобы он в порядке исключения отслужил Литургию, но... успеха не добился: мой собеседник погрузился в молчание.

Вскоре к нам подошла средних лет женщина, которую звали Хрисанфи.

– Вы монахиня? – спросил я.

– Нет, я просто здесь помогаю.

Чуть позже к нам присоединилась еще одна женщина, помоложе, но и она была не монахиня. Ее звали Христина, и она заведовала иконной лавкой.

До вечернего богослужения оставалось минут десять, когда мы увидели маленькую старушку в темном платочке, повязанном под подбородком и закрывавшем весь лоб.

– Это матушка Тимофея, – сказал отец Каллиник, – игуменья нашего монастыря.

– Ваши сестры сейчас на послушаниях? – спросил я.

– Нет, все послушания выполняю я сама... – ответила матушка Тимофея, поправляя очки.

– ???

– ...потому что я единственная монахиня нашей обители. Еще недавно нас было четверо, – продолжала она, – три мои сестры во Христе, состарившись, мирно отошли ко Господу. Я тоже готовлюсь к переселению, – она указала глазами на небо, – мне ведь уже под семьдесят.

– Кто-нибудь придет на смену вам?

– Не знаю. Греция – ведь не Россия. У вас народу много, а у нас... Если

добавить к этому, что мы живем в последние времена, когда все сходит на нет, то, сами понимаете... А впрочем, на все воля Божия... Вы были в монастыре святого Андрея Критского?

— Нет, только собираюсь...

— Там тоже один человек — архимандрит Андрей Сфиракис. Он родился в тех местах, стал монахом и основал монастырь. С тех пор прошло 26 лет, а он по-прежнему служит один — пополнения нет...

Матушка, перебирая четки, помолчала.

— Это очень интересный монастырь: в нем шесть храмов, и все они разбросаны по ближайшей округе: один — на берегу моря, другой — на склоне горного хребта, третий — в долине...

— Чем это вызвано?

— Отец Андрей строил храмы там, где ему нравилось. Причем он строил их на свои деньги.

Заметив удивление на моем лице, матушка сказала:

— Вы, наверное, хотели спросить: откуда у монаха деньги? Все очень просто: он мог получить солидное наследство или ему помогли благотворители...

— А для кого у вас такой большой корпус? — любопытствовал я.

— Семнадцатого июля, в день праздника нашей Небесной покровительницы, сюда собирается весь Крит. Для этого и построено жилье, но его все равно не хватает...

Вечерняя служба совершалась в нижнем храме. Он был маленький, человек на двадцать–тридцать, не больше, в нем царил полумрак. Служил отец Каллиник, а на клиросе управлялась матушка Тимофея: она сама и читала, и пела, изредка ей помогал батюшка. Подсвечники были песочные, как в Грузии или Армении; песок светлый, а свечи — высокие, желтые, утончающиеся к фитильку, точно такие, как в Иерусалиме. Много икон, в основном это образы святой великомученицы Марины. Они

Икона святой великомученицы Марины из монастыря в д. Вóни

все разные, но одна запоминающаяся характерная деталь есть на каждой иконе: святая Марина, укрощая диавола, держит его за один из рогов. У нас, в России, эта подробность отсутствует.

Из всех поистине замечательных икон выделялась одна, самая древняя, она находилась справа от царских врат. Это был чудотворный образ святой Марины. Прикладываясь к нему, я обратил внимание на ряд легких жестяных пластиночек, нанизанных на металлический стержень в нижней части иконы: на них были изображены или рука, или нога, или глаз, или ухо, или какая-то другая часть человеческого тела. Я догадался: по молитвам святой Марины произошло исцеление болящего христианина и он принес сюда свою пластиночку.

Богослужение было кратким, и, выйдя из храма, мы присели за столик, под пальмой. День догорал. Лучи заходящего солнца скользили по вершинам хол-

Игуменья монастыря матушка Тимофея, священник Каллиник, Хрисанфи и Христина

мов и бледно-зеленые пальмовые ветви едва заметно колебались под порывами слабого ветерка. Долину пересекали глубокие тени. Над куполом храма, рассекая воздух крыльями, носились ласточки. Ворковали дикие голуби. Разговор зашел о святой Марине – о ком еще можно было говорить в ее обители?! Я попросил матушку игумению рассказать о святой великомученице.

– Я люблю больше слушать, чем говорить, – заметила матушка, устраиваясь поудобнее, – но ради моей Небесной покровительницы готова сделать исключение.

– Святая Марина родилась в Антиохии Писидийской в конце третьего века, – начала рассказчица. – Отец ее, Эдесий, был языческим жрецом. У него не было других детей, потому что сразу после рождения Марины ее мать умерла. Девочку воспитывала кормилица.

Это было время, когда нечестивый император Диоклетиан воздвиг жестокое гонение на христиан. Священники, диаконы, учителя Слова Божия скрывались в горных пещерах, диких лесах и маленьких селениях, не оставляя своего главного дела – обращения людей к истинной вере. Когда Марине исполнилось двенадцать лет, она услышала от одного из таких проповедников о Христе Спасителе и уверовала в Него. Она решила, подражая святым мученикам, пролить свою кровь за Господа нашего Иисуса Христа и таким образом принять Святое Крещение. Общаясь с соседями, отроковица рассказывала им о своей вере и кратковременности земной жизни.

Однажды в какой-то праздник святая вошла в капище своего отца. Безобразные идола вызвали у нее глубокое отвращение.

– Идолов нужно ненавидеть и разрушать их, а вы поклоняетесь им, – смело сказала она, обращаясь к народу.

Разгневанный Эдесий тут же отрекся от своей дочери-христианки.

Как-то Марина вышла в поле полюбоваться природой. Навстречу ей показался знатный всадник в сопровождении многочисленной свиты. Это был эпарх (правитель) восточных областей Римской империи Олимврий, который люто ненавидел христиан. Увидев Марину, он был очарован красотой пятнадцатилетней девушки и спросил, чья она дочь. Отличаясь целомудрием больше, чем красотой, святая простосердечно рассказала о себе, не утаив, что она христианка. Тогда эпарх приказал своим воинам привести святую Марину в город. На другой день он вызвал ее на допрос.

– Принеси жертву нашим богам, – сказал Олимврий, – и тогда ты сохранишь свою жизнь.

– Я поклоняюсь только Господу моему Иисусу Христу, – ответила Марина, – а идолов я презираю. Своими угрозами ты меня не испугаешь – я с радостью приму смерть за своего Создателя.

– Одумайся, Марина, – продолжал эпарх, – если ты будешь благоразумной, я возьму тебя в жены; ты будешь окружена почетом и славой, станешь жить в прекрасном дворце, у тебя будет много служанок и любое твоё желание будет немедленно выполняться. Если же ты откажешься, то мне придется, хотя я этого не хочу, отдать тебя в руки палачей, и ты претерпишь страшные муки.

– Богатство и слава – ничто, это лишь тени временной земной жизни, а я думаю только о небесном. Твое супружество для меня противно и мерзко. Неужели ты думаешь, я изменю своему Бессмертному Жениху, Который призывает меня в Царство Небесное, и вступлю в брак со смердящим псом!

Разгневанный Олимврий дал знак палачам, и те начали избивать святую гибкими прутьями, а затем, пригвоздив ее к доске, стали строгать ее тело железными трезубцами. Истязание продолжалось до тех пор, пока не показались кости. Народ плакал от жалости.

Девушку бросили в глубокую и мрачную темницу, где она молилась, чтобы Господь исцелил ее растерзанное тело и послал ей утешение. Враг же рода человеческого, – продолжала матушка Тимофея, – видя стойкость Марины, решил утратить ее. В темнице вдруг появился громадный страшный змей, который издавал ужасные звуки; из его пасти вырывались языки пламени. Святая осенила себя крестным знаменем, и в ту же секунду чудовище распалось на части. После этого диавол превратился в человека с рогами и собачьим хвостом. Не растерявшись, Марина схватила его за рог и сильно ударила по голове молотком, который оказался рядом. Земля разверзлась и поглотила искушителя.

В следующее мгновение кровля темницы исчезла и ее осиял небесный свет. Подняв голову, святая увидела

сияющий крест, над которым вился белый как снег голубь. Сладостный голос сказал:

– Радуйся, Марина, верная раба Господня! Пришел час твоего торжества! Скоро ты войдешь в нетленный чертог твоего Небесного Жениха, где вкусишь несказанное блаженство!

После этого Божественная благодать у врачевала раны девушки.

Утром Олимврий, увидев святую невредимой, стал убеждать ее принести благодарственные жертвы идолам за исцеление, но мученица снова исповедала себя христианкой. Тогда палачи стали опалить ее тело огнем. Во время пыток Марина молилась такими словами:

– Господи, Ты сподобил меня за имя Твое пройти через огонь, сподоби меня пройти и через воду Святого Крещения!

Услышав, что святая говорит о воде, эпарх приказал утопить ее в большом чане. Когда девушку стали погружать в воду, земля содрогнулась, оковы пали с рук мученицы, над ее головой засиял необыкновенный свет, в котором кружилась белая голубка с золотым венцом в клюве. Затем все увидели восходящий к небу огненный столп, на котором сиял крест. Голубка взмахнула крыльями и села на крест. Снова раздался сладостный голос:

– Мир тебе, невеста Христова Марина! Тебе уготован неувядаемый венец славы!

Увидев, что святая вышла из воды живой и невредимой, пятнадцать тысяч человек уверовали во Христа и открыто назвали себя христианами. Олимврий приказал воинам казнить их. Затем была обезглавлена и святая Марина. По дороге на казнь она молилась о тех людях, которые поклонялись бесчувственным идолам и еще не узнали Спасителя.

Угодница Божия считается покровительницей детей. По ее молитвам исцеляются люди, разбитые параличом, – заключила игуменья.

**Монастырь преподобного Георгия Хозевита
в Святой Земле;
в одном из ковчегов справа находится
частичка мощей святой
великомученицы Марины**

— А где покоятся мощи святой Марины? — спросил я.

— Ее честные мощи находились в Константинополе, в монастыре Пантепонта (Всевида Христа), до взятия города в 1204 году крестоносцами. По другим сведениям, они хранились в Антиохии, откуда в 908 году были перенесены в Тоскану (Италия). Часть святых мощей (рука) находится в Ватопедском монастыре на Афоне.

— Здесь, в монастыре, наверняка произошло множество чудес по молитвам святой Марины, — сказал я.

— Им несть числа, — откликнулся отец Каллиник. — Вот одна весьма поучительная история. Крестьянин из Круста дал обет Господу: осенью пожертвовать монастырю лучшего козла из своего стада. Миновала осень, наступила зима, а крестьянин и не собирался ехать в монастырь. Когда жена напомнила ему об этом, он отмахнулся, мол, все это пустяки, он всего-навсего пошутил. Тогда с ним началось твориться что-то ужасное: лицо его исказилось так, что перестало походить на человеческое. Крестьянин понял: это возмездие за его «шутки». Он выбрал лучшего козла и вместе с женой отправился в монастырь. В дороге козел потерялся. Тогда муж и жена решили: пойдем одни, без козла, и поклонимся святой Марине. Когда они приблизились к монастырю, то увидели, что козел спокойно идет за ними. Они привязали его к дереву и вошли в церковь. Священник спросил несчастного, что случилось с его лицом, и пастух рассказал свою историю. Священник взял из алтаря святое копие и осенил крестьянина крестным знамением, творя молитву. Лицо пастуха приняло прежний вид. Поблагодарив Господа и святую Марину, крестьяне вернулись домой.

— А вот еще одна не менее интересная история, — сказала Христина. — У одного врача был слепой сын. Жена часто говорила мужу: «Давай отвезем сына к святой Марине — она исцелит его». Муж отвечал: «Я сам врач и не могу вылечить моего сына. А там и подавно ему не будет лучше». Однажды мальчик увидел во сне святую Марину, которая сказала: «Вставай, детка, и иди в мой дом, который находится внизу, в Вóни». Мальчик поднялся и пошел в комнату родителей. Увидев его, они поняли, что мальчик прозрел. Едва настало утро, радостный отец навьючил на осла два бурдюка масла и повез их в монастырь. Там он поклонился чудотворной иконе и от всей души

поблагодарил святую Марину за неожиданную помощь.

— Ну а теперь моя очередь? — сказала Хрисанфи. — Я расскажу об одном скотоводе из Ласифи. У него было правило: каждый год посылать в монастырь сыр. И вот однажды он изменил своему правилу. Жена спросила: «Ты почему в этом году не посылаешь сыр?» Муж ответил: «Он старый». — «Какой же он старый, — сказала жена, —

если приготовлен совсем недавно. Завтра праздник святой Марины, и я с детьми сама отвезу сыр». «Святая Марина не ест сыра», — сказал муж, не зная, что он говорит. Наступил вечер, и из стада неразумного скотовода убежали сорок овец; их обнаружили у стен монастыря. Их пытались прогнать, но они не уходили. Скотовод, поняв свой грех и раскаявшись в нем, пожертвовал овец монастырю.

Я проснулся очень рано и вышел во двор монастыря. Утро было прохладное, как в Москве (обитель находится в горах). Громко, перебивая друг друга, кричали петухи. Воздух был легкий, очень приятный, напоенный ароматом горных трав. Он был так чист, что окружающая панорама — холмы, лента дороги, храм в соседней деревне — просматривалась без каких-либо усилий.

После утреннего богослужения я стал прощаться с хозяевами монастыря.

— Да управит твой путь святая великомученица Марина, — сказала матушка Тимофея, — и да поможет тебе во всем! И не только тебе, но и всему русскому народу. Коленопреклоненная, со слезами на глазах, святая Марина молится (я верю в это) у Престола Божия о вашей России, и каждую ее слезу Господь наш Иисус Христос принимает как самый драгоценный изумруд.

Н. КОКУХИН

**Празднование в честь святой великомученицы Марины
совершается 17/30 июля**

Тропарь святой великомученице Марине, глас 4

Агница Твоя, Исусе, Марина зовет велиим гласом: Тебе, Женише мой, люблю, и, Тебе нищущи, страдальчествоую, и сраспинаюся, и спогребаяюся крещению Твоему, и стражду Тебе ради, яко да царствую в Тебе, и умираю за Тя, на и живу с Тобою, но яко жертву непорочную прими мя, с любовию пожерщуюся Тебе. Тоя молитвами, яко Милостив, спаси души наша.

Кондак, глас 3

Девства добротами преиспещрена, дево, нетленными венцы венчалася еси, Марино, кровью же мученичества обагрена, чудеса просветившиися исцелений, благочестно, мученице, прияла еси почесть победы твоего страдания.

«И церкви белая свеча не гаснет на ветру...»

*Также и Дух подкрепляет нас
в немощах наших.*

Рим. 8, 26–27

Северный город Когалым малоизвестен в России: он сравнительно молод и невелик числом своих жителей. Но вклад его нефтедобывающих предприятий в экономику России огромен. Это один из «трех китов», на которых основана крупнейшая в России нефтяная компания «ЛУКойл». Она и профинансировала основные работы по строительству в Когалыме православного храма, белым лебедем выплывающего из вековой тайги. Чтобы оценить всю значимость этого события, надо заглянуть в историю северной окраины России.

Основы ее духовности были заложены более чем столетним миссионерским трудом двух епархий Русской Православной Церкви – Тобольской и Архангельской. С 1885 года, с приходом в эти края русских поселенцев, начинается строительство церквей. Но построенным в то время храмам и монастырям история отпустила короткий жизненный срок.

После революции за 20 лет атеистического правления Север стал едва ли не той же духовной пустыней, которой он был до похода Ермака: ни одного действующего храма, ни одного монастыря. Правда, это не означало полного истребления веры, она сохранялась в душах людей.

С открытием нефтяных и газовых богатств края в 1970-х годах началось его преображение: росли города, приезжали люди, объявленные официальной

идеологией строителями коммунизма. Однако во внешне благополучных, хорошо обеспечиваемых поселках и городах неуклонно росли преступность, пьянство и другие пороки, сопутствующие бездуховному обществу. Увы, но и здесь была забыта непреложная истина: *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудящаяся зиждущии* (Пс. 126, 1). И сейчас, когда дурман уверенности в собственном всемогуществе развеивается, перед жителями этого опорного края державы встает прежняя задача – одухотворить материальные успехи, чтобы они были во благо людям. Однако в последнее время Когалым буквально захлестнул поток разного рода протестантских вероучений, сект. Местные психологи в связи с этим высказывают опасение за здоровье людей, обращающихся за медицинской помощью после посещения различных сект. Тем более что силки ловцов душ человеческих в основном расставлены сегодня для детей.

Все это не могло не беспокоить Священноначалие Русской Православной Церкви. И в 1995 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был заложен первый камень в основание храма.

В это время экономику страны уже поразил кризис неплатежей, парализовавший и нефтедобычу. Однако руководство компании не отказалось от намерения соучаствовать в строительстве

Храм во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Когалыме

храма. Освящение храма во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла и первое богослужение состоялись здесь в 1997 году на Рождество Христово. А нынешним Великим постом с пастырским визитом в Когалыме побывали Преосвященный Сергей, архиепископ Солнечногорский, Управляющий делами Московской Патриархии, а также делегация монашествующих Пюхтицкого Свято-Успенского монастыря во главе с матушкой Филаретой (Смирновой).

Взглядам гостей предстал не только величественный храм в стиле древнерусской архитектуры, но и окружившие его постройки: крестильня, воскресная школа, дом причта. Словом, здесь, по замыслу строителей, в согласии с традицией сосредоточена духовная жизнь города. Здесь же по просьбе журналистов северного региона, проводивших в эти дни свой фестиваль, состоялась пресс-конференция архиепископа Солнечногорского Сергея. Ее материалы мы предлагаем вниманию читателей.

«Цель нашего визита, — сказал, открывая пресс-конференцию Владыка Сергей, — поближе познакомиться с жизнью города, который украсил новопостроенный храм. Сегодняшняя совместная молитва в его стенах была для нас великой духовной радостью. И мы уповаем на то, что Господь не оставит Своей Милостью и ваши далекие от центра России, но все же российские края. Люди здесь живут в нелегких климатических и социальных условиях, они страждут, нуждаются в утешении и до последнего времени даже не имели возможности прийти в Дом Божий. Вы видите, что сегодня он был переполнен. Люди осознают необходимость покаяния, без которого нет спасения, нет возрождения».

Корр. местной газеты: Будет ли здание церкви находиться на епархиальном балансе или на муниципальном, поскольку она построена с помощью нефтяной компании?

Владыка Сергей: Муниципалитет может передать его в аренду Церкви или в собственность, как угодно. Устройство церковной жизни ведь не зависит от этого обстоятельства. Но уже сегодня видно, что новая церковь становится духовным центром притяжения горожан. Дети в церковно-приходской школе не только изучают Закон Божий, но и занимаются в кружках по интересам, рукодельничают. Сюда же тянутся их родители, бабушки и дедушки. А вопрос принадлежности — чисто юридическая практика, допускающая варианты.

А. Трифонов, журнал «Нефть России»: Ваше Высокопреосвященство, журналисты, которые работают на Севере, и люди, живущие здесь, полагают, что он является духовной окраиной России. В то же время мы наблюдаем экспансию в эти места различных сектантских течений. Православная Церковь, наверное, должна укреплять здесь свои позиции. Как вы расцениваете перспективы

развития духовной жизни на тюменском Севере?

Владыка Сергей: Вы правы, влияние сект не только на Север, но и на всю Россию, к сожалению, значительно. Новый закон «О свободе совести и религиозных объединениях» несколько упорядочивает этот процесс, который был еще недавно абсолютно бесконтрольным, чего нет в правовой практике ни одной страны мира. Мы выступаем в интересах человека, который родился на этой земле, в православной традиции. Мы — за его право изучать предшествовавшую духовную культуру и историю. Мы должны этому способствовать. Человек, конечно, вправе исповедовать любую религию, но выбор должен быть осознанным. На основе знания, которое он получит в церковно-приходской школе, в общении со своим духовником. Когда это будет происходить именно так, как было заведено веками, человек, рожденный в Православии, впитавший с детства его живительные соки, усвоивший знания о его великих исповедниках и подвижниках, будет защищен от влияния сект.

Что касается духовной окраины... Всюду сейчас мы испытываем недостаток в священнослужителях, это еще одно печальное наследие атеистической власти. Но это вопрос уже недолгого времени. В Тобольско-Тюменской епархии есть Духовная семинария, немало приходов, подобных этому. Нам радостно видеть понимание проблемы и светскими властями. И я не имею в виду только помощь в строительстве храма. За это, конечно, огромная им благодарность, и Церковь от века молится за создателей и благоукрашителей храмов. Но не меньше я порадовался рассказу о том, что вместо запланированного по соседству казино нефтяники построили и открыли библиотеку. Конечно, казино — это «живые» деньги, а библиотека — храм знаний. И хоть вложенный в нее капитал окупится не скоро, но это еще

один вклад в духовно-нравственный потенциал края. И подобного понимания проблемы здесь, как вы говорите, на окраине России, я бы пожелал многим в ее центре. К сожалению, есть еще большая духовная провинция в нашей многострадальной России. К примеру, в Якутской губернии было до революции двести приходов, а в начале 90-х годов только один. Сейчас, слава Богу, в Якутской епархии двадцать пять храмов. И наша Церковь предпринимает усилия, чтобы способствовать этому повсеместно.

Корр. телестудии г. Нефтеюганска: Как Русская Православная Церковь относится к сегодняшнему повальному увлечению литературой вроде известной «Диагностики кармы», почему мало что противопоставляют ей современные православные богословы?

Владыка Сергей: О засилье сект и восточных культов мы уже говорили сегодня, как и о подлинной свободе выбора вероисповедания, основанного на знании, а не на зомбировании, вербовке. У нас, слава Богу, немало достойных пастырей, много трудящихся на ниве духовного просвещения. Я знаю, к примеру, что в соседний Ноябрьск время от времени приезжает иеромонах Анатолий Берестов, доктор медицинских наук, прекрасный проповедник и богослов. У вас здесь недавно побывал диакон Андрей Кураев, известный своими просветительскими трудами. Московская и Санкт-Петербургская Духовные академии, Издательство Московской Патриархии издадут немало трудов, излагающих взгляды Русской Православной Церкви на проблемы современного богословия. Но у меня встречный вопрос к вам, журналистам. Позитивные взгляды – и не только из области церковной – почему-то не находят достойного отражения на страницах прессы, в телепрограммах. Скорее наоборот, пресса будто соревнуется в пропаганде мракобесия, сектантства...

Наша с вами общая задача – способствовать раскрытию того доброго, прекрасного, что еще сохраняется в умах, душах, в обществе в целом.

Корр. телестудии г. Когалыма: Владыка, не считаете ли Вы, что наши первомайские демонстрации плавно перешли в крестный ход, не стало ли Православие очередной модой?

Владыка Сергей: Ответить на это утвердительно означало бы погрешить против людей, приходящих в церковь. Сравнение с демонстрациями некорректно, все вы знаете, что они по большей части были принудительными. Вероисповедание и участие в приходской жизни – дело сугубо добровольное. Крестный ход совершается по движению души, когда люди обращаются к Богу с сугубой молитвой. Но когда крестный ход используют как политическую демонстрацию, мы выступаем против этого.

Корр. газеты «Нефтяник Когалыма»: Мы впервые видим в нашем молодом городе монашествующих. Какова цель их приезда?

Монахиня Филарета: Священноначалие Русской Православной Церкви по просьбам прихожан рассматривает возможность основания здесь подворья Пюхтицкого Свято-Успенского монастыря. Мы приехали, чтобы составить представление о том, как этому способствовать. Ведь мы не повезем сестер с обжитых мест, постриг послушниц, желающих посвятить свою жизнь монашескому подвигу, будет происходить здесь. Все организационные вопросы решать нужно здесь. И вот мы по благословению Святейшего Патриарха находимся у вас, и первое впечатление от людей и здешних мест у нас отрадное.

Закljučая разговор, Владыка Сергей сказал, что этот визит действительно оказался плодотворным. Остается только молить Господа, подчеркнул он, чтобы и в других городах и регионах было подобное понимание проблем

духовно-нравственного возрождения России. Владыка заверил, что свидетельствует об этом не только как иерарх Русской Православной Церкви, но и как гражданин России, заботящийся о ее благе. Ведь человек способен на созидание, только имея в душе мир и нравственный закон. Архиепископ Сергей призвал помнить опыт предшественников сегодняшних пастырей – православных миссионеров прошлого века, обращавших в христианство малые народности Севера.

Судя по откликам, появившимся в местной прессе, этот визит и встреча высоких гостей с журналистами оказались взаимопользны. Не так часто жителям небольшого провинциального го-

родка, удаленного даже от областного центра – Тюмени, доводится встречаться с архиереем, получать ответы на волнующие их вопросы. Строительство храма внесло в жизнь города новые краски: им гордятся как местной достопримечательностью, он никогда не пустует. Ему, как и городу, суждена долгая жизнь. И тем маленьким северянам, кто только родился и примет здесь Святое Крещение, будет казаться, что он был здесь всегда. Да и верно: не стоять городу без храма.

Любуюсь им, и невольно вспоминается строка из стихотворения одного из местных поэтов, посвященного вновь построенному храму: «И церкви белая свеча не гаснет на ветру...»

А. АРЕНДАРЕНКО

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Вскоре выйдет в свет

приложение к «Журналу Московской Патриархии» –
журнал «Прозрение»

Журнал будет посвящен анализу деятельности тоталитарных сект и деструктивных культов. На его страницах читатель найдет материалы как по истории сект, так и последнюю информацию о них. Будут публиковаться документы, рассказы-свидетельства бывших членов сект, научные богословские исследования по отдельным сектам и по проблеме сектантства в целом.

Миссия журнала – прежде всего просветительная, он предназначен для того, чтобы помочь людям прозреть, отвергнуть суеверия и сектантство и вернуться к отеческой вере.

Планируется выпускать журнал «Прозрение» 4 раза в год.

Избрание и интронизация нового Предстоятеля Польской Православной Церкви

12 мая 1998 года Священный Синод Польской Православной Церкви избрал ее нового Предстоятеля. Митрополитом Варшавским и всей Польши стал архиепископ Белостокский и Гданьский Савва.

Новоизбранный Митрополит Савва (Михал Груциняк) родился 15 апреля 1938 года в Снятычах (Польша). В 1957 году окончил православную духовную семинарию, а в 1961 году – Академию христианской теологии в Варшаве со степенью магистра богословия.

В 1964 году рукоположен во диакона.

В 1966-м принял монашество, рукоположен во иеромонаха и назначен на должность директора канцелярии Митрополии. В 1970 году стал заместителем Яблочинского монастыря.

В 1977 году назначен руководителем православного отделения Академии христианской теологии в Варшаве.

25 ноября 1979 года рукоположен во епископа и назначен на Лодзьскую и Познаньскую кафедру. В 1981 году переведен на Белостокскую и Гданьскую кафедру. В 1987 году возведен в сан архиепископа.

В 1990 году получил звание профессора богословия. В 1993 году назначен правящим архиереем православной епархии Войска Польского с сохранением обязанностей правящего архиерея Белостокской и Гданьской епархии. На этом посту архиепископ Савва уделял особое внимание духовному окормлению православных военнослужащих и деятельности священнослужителей в польской

армии. 16 мая 1994 года министром народной обороны Польши он был назначен руководителем Православного ординариата Войска Польского.

После своего избрания новый Предстоятель Польской Православной Церкви 13 мая 1998 года вместе с тремя новыми епископами Польской Церкви: Гайновским Мироном (Ходаковским), Бельским Григорием (Харкевичем) и Супрасльским Иаковом (Костичуком) – был принят в Президентском дворце Президентом Польши Александром Квасьневским, который поздравил иерархов.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II направил новоизбранному Предстоятелю Польской Православной Церкви поздравительную телеграмму.

31 мая 1998 года в варшавском кафедральном соборе святой Марии Магдалины за Божественной литургией состоялась интронизация вновь избранного Предстоятеля Польской Православной Церкви Блаженнейшего Митрополита Варшавского и всея Польши Саввы.

В торжествах приняли участие Предстоятель Албанской Православной Церкви Блаженнейший Митрополит Анастасий и Предстоятель Православной Церкви Чешских земель и Словакии Блаженнейший Митрополит Дорофей, а также представители Автокефальных и Автономных Православных Церквей: Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Русской, Сербской, Румынской, Болгарской, Кипрской, Элладской, Американской и Финляндской.

Делегацию Русской Православной Церкви возглавил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Отдела внешних церковных сношений, который огласил Приветственное послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В документе, в частности, была дана высокая оценка традиционным братским связям двух Церквей.

1 июня новый Предстоятель Польской Православной Церкви Митрополит Савва

и члены делегаций Православных Церквей, принявших участие в интронизации, были приняты Президентом Республики Польша Александром Квасьневским в Президентском дворце. В приветственном слове Президент Польши подчеркнул, что Польская Православная Церковь является неотъемлемой частью единого польского народа и вносит существенный вклад в формирование национального и культурного облика Польского государства.

Очередное заседание Освященного Архиерейского Собора Сербской Православной Церкви

Под председательством Святейшего Патриарха Сербского Павла с 11 по 23 мая 1998 года в Белграде состоялось очередное заседание Освященного Архиерейского Собора Сербской Православной Церкви.

Собор причислил к лику святых священномучеников митрополитов Дабробоснийского Петра (Зимонича) и Черногорско-Приморского Иоанникия (Липовца); епископов Горне-Карловацкого Савву (Трлаича) и Банялучского Платона (Иовановича); протоиереев Бранка Добросавлевича и Джорджа (Георгия) Богича; мученика Вукашина и исповедника митрополита Загребачкого Досифея, принявших мученическую кончину во время Второй мировой войны.

Собор рассмотрел вопросы, связанные с подготовкой реформы церковного просвещения и одобрил результаты работы специальной комиссии, занимавшейся ее разработкой.

Были затронуты проблемы межхристианского диалога, в частности отношения Православия к экуменическому движению. Собор одобрил решения, принятые на прошедшем в Фессалониках (Греция), всеправославном совещании по вопросу статуса Православных Поместных Церквей во Всемирном Совете Церк-

квей, в которых было заявлено о неприемлемости нынешней концепции, структуры и методологии этой организации.

Собор осудил раскольническую деятельность «митрополита» Мираша Дедича, именующего себя предстоятелем несуществующей «Черногорской Церкви» и призвал всех верных чад Сербской Православной Церкви уклоняться от общения с этим человеком и его последователями, усилия которых направлены на дестабилизацию церковной и политической жизни в Черногории.

Собор выразил глубокую озабоченность продолжающимся политическим кризисом в Косове и Метохии, который продолжает оставаться неразрешенным, и высказал уверенность, что его преодоление возможно лишь демократическими средствами, путем открытого диалога всех заинтересованных сторон.

Агрессивная прозелитическая деятельность новых религиозных движений и сект вызвала глубокую тревогу и священное негодование Собора, который призвал верующих к духовной бдительности, а церковных пастырей – к более ревностному свидетельству истинности и красоты Православия.

Был также рассмотрен вопрос о положении Сербской Православной Церк-

ви на территории Республики Македония, которое на сегодняшний день предельно осложнено по причине узурпации церковной власти раскольниками и содействием этому процессу со

стороны государственных властей республики.

На Соборе был утвержден новый состав Священного Синода и произведены новые назначения.

Консультативная встреча в Дамаске

С 7 по 13 мая 1998 года в семинарии святого Ефрема (Дамаск, Сирия) состоялась встреча представителей Православных и Восточных Православных (дохалкидонских) Церквей, посвященная VIII Генеральной ассамблее Всемирного Совета Церквей. От Русской Православной Церкви во встрече приняли участие иеромонах Иларион (Алфеев), секретарь Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата по межхристианским связям, и В. В. Шмалый, сотрудник Секретариата ОВЦС МП по межхристианским связям. Встреча была организована Всемирным Советом Церквей при поддержке Антиохийского Патриархата и Сирийской Православной (дохалкидонской) Церкви. По различным причинам во встрече не принимали участия представители Иерусалимской, Грузинской, Сербской, Болгарской, Элладской и Финляндской Православных Церквей.

На встрече, имевшей консультативный характер, обсуждались формы и уровень участия Православных Церквей в VIII Генеральной ассамблее Всемирного Совета Церквей, а также перспективы дальнейшего участия в работе Совета. Представители Русской Православной Церкви выразили свою озабоченность в связи с кризисом Всемирного Совета Церквей, связанным, по их мнению, с усиливающимся разрывом между протестантским большинством Совета и православными участниками, появлением неприемлемых для православных тем в повестке дня Совета и предстоящей Генеральной ассамблее ВСЦ. Они выступили с заявлением о необходимости радикальных преобразо-

ваний Всемирного Совета Церквей, которые позволили бы при отмене экклезиологически двусмысленного понятия членства и устранения протестантского доминирования в Совете обеспечить надлежащий уровень несения православного свидетельства инославным. Делегация Русской Православной Церкви также настаивала на необходимости следования решениям Всеправославного совещания, состоявшегося 29 апреля – 2 мая 1998 года в Салониках (Греция), в отношении неучастия православных делегатов на VIII ассамблее ВСЦ в любом рода экуменических богослужениях, а также в процедуре голосования (за исключением особо оговоренных случаев), что фактически означает присутствие православных представителей на ассамблее в качестве наблюдателей.

В состоявшейся в ходе встречи дискуссии было признано существование различных взглядов на участие православных во Всемирном Совете Церквей. При этом подчеркивалось, что важное значение имеет сохранение всеправославного единства.

При обсуждении итогов встречи среди ее участников выявились определенные разногласия. Проект итогового документа, готовившийся под определяющим влиянием ведущих сотрудников ВСЦ, не отразил в себе всех пунктов озабоченности и предложений Русской Православной Церкви и некоторых других Поместных Православных Церквей, представители которых отсутствовали на встрече. В связи с этим делегация Русской Православной Церкви воздержалась от принятия этого документа.

Историография старообрядчества

Прежде чем представить читателю краткий очерк историографии старообрядчества, надлежит напомнить о тех религиозно-обрядовых разногласиях, которые раскололи Русскую Церковь в середине XVII века, и о религиозно-национальной психологии русского общества того времени, которая сделала этот раскол возможным (или неизбежным).

Перечислим те богослужебно-обрядовые особенности, которыми отличалась старая вера от текстов и обрядов, которые были приняты Православной Церковью после исправления Патриархом Никоном (по греческим образцам) церковно-богослужебных книг.

Двуперстное (а не трехперстное) крестное знамение. Сугубая, то есть двойная (а не тройная) «Аллилуия». Имя Христа Иисус, а не Иисус. Литургия должна совершаться на 7 (а не на 5) просфорах. Во 2-м члене Символа веры: «...Иисуса Христа, Сына Божия, рожденна, а не сотворенна», союз «а» выпущен. В 7-м члене Символа веры о Сыне Божиим: «...Его же царствию несть конца» (по исправлении «...не будет конца»). В 8-м члене Символа веры: «...в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго» (слово «истиннаго» выпущено). В пасхальной молитве: «...смертию на смерть наступи» («...смертию смерть поправ»). В молитве о водосвятии: «...освяти воду сию Духом Твоим Святым и огнем» (слова «и огнем» выпущены). Богослужение должно совершаться только по старым (дониконовским) книгам. При хождении крестного хода вокруг церкви надлежит идти «посолонь», по солнцу, то есть с востока на запад, а не наоборот.

Были еще некоторые отличия в числе поклонов при богослужении, в церковных облачениях, в иконописании. В области бытовой старообрядцы отрицали и порицали подражание западным обычаям и одежде – брадобритие, курение табаку и т. д. В области церковно-общественной жизни старообрядцы считали пороком господствующей Церкви назначение приходских священников епархиальной властью в отмену прежнего обычая выбора кандидатов во священство прихожанами.

Для современного читателя может казаться странным: как могли столь незначительные различия в текстах и обрядах породить непримиримый раскол и вековую междоусобную вражду и борьбу в Российской Церкви и государстве? Здесь надо прежде всего указать на две особенности национально-религиозной психологии московского общества XVI–XVII веков.

Русское благочестие этого времени, по признанию и церковных, и светских историков, носило более внешнеобрядовый, чем религиозно-нравственный характер. По выражению популярного историка середины XIX века Н. И. Костомарова, «Православие действовало на русского человека не в качестве учения, а в качестве обычая», и его бережно сохраняли как обычай, унаследованный от предков и неизменяемый («во веки веков»). Или, по выражению выдающегося историка Русской Церкви Е. Е. Голубинского, «раскол старообрядчества возник у нас из-за того, что предки наши приравняли обряды и обычаи церковные к догматам веры», и на это

«обрядовере» как на характерную черту древнерусской религиозности постоянно указывают историки¹.

Кроме обрядоверея весьма важной чертой религиозно-национальной психологии московского церковного общества в XVI и в первой половине XVII века было убеждение в величии и святости Русской земли. С середины XV века Русская Церковь, бывшая дотоле формально одной из митрополий под властью Константинопольского Патриарха, стала независимой от Церкви Греческой, а государство Московское переживало в XV–XVI веках полосу огромных внешнеполитических успехов: свержение татарского ига, объединение всех территорий Великороссии под властью Московского государя, завоевание огромной территории трех татарских царств – Казанского, Астраханского и Сибирского. Авторитет Церкви Греческой значительно упал в глазах Москвы после присоединения ее к Флорентийской унии (1439), а взятие Константинополя турками (1453) рассматривалось в Москве как Божие наказание Византии, впавшей в «латинскую ересь». Ныне все православные царства на Балканах стали провинциями Турецкой империи, а Восточные Патриархи – рабами турецкого султана. Тогда на Руси возникает гордая теория: после падения Второго Рима – Византии – Москва становится Третьим и Вечным Римом («а четвертому не быть»), становится главою и покровителем всего Православия, а Русь признается и характеризуется как Святая Русь, как избранный Богом «новый Израиль» и как единственная хранительница истинного Православия во всей его непорочной чистоте (совокупность этих идей ярко выражена в писаниях основателя и апостола старообрядчества протопопа Аввакума).

Связь Москвы с Православным Востоком не прекращается, но она получает совершенно иной характер: греческие иерархи и другие духовные лица

часто приезжают в Москву, но не как наставники и учителя, а как просители и получатели «государевой милостыни». Мало того, в Москве подозревают, что греческое Православие, и в частности богослужебная практика, «испорчены» под влиянием «латинской ереси» и турецкого порабощения. Естественно, пишет Н. Ф. Каптерев, что церковная реформа Никона (то есть исправление текстов и обрядов по греческим образцам) «должна была нанести смертельный удар исторически сложившимся представлениям русских о своем религиозном превосходстве над всеми другими народами, и в частности над греками», и «вызвала в приверженцах и поклонниках русской церковной старины сильный протест».

Движение протеста возглавил, по выражению С. М. Соловьева, «богатырь-протопоп» Аввакум. То, что конфликт между реформаторами и их противниками с самого начала принял такой острый и резкий характер, объясняется помимо указанных выше общих причин личным характером вождей двух борющихся партий: Никон и Аввакум были оба люди с сильным характером, с неукротимой энергией, с непоколебимой уверенностью в собственной правоте, с несклонностью и неспособностью к уступкам и компромиссам.

Патриарх Никон был преисполнен сознанием величия своей архиерейской власти, которая в его представлении была превыше всякой светской власти, включая власть царскую. Всякое сопротивление или хотя бы только неповиновение высшей церковной власти Патриарх рассматривал как преступление и готов был подавить его всякими средствами. По выражению Н. И. Костомарова, «с вопросом реформы Никон поступал, как военачальник с военным делом: приказано, и надо исполнять, а за непослушание следовала тяжелая кара».

Между тем главный противник Никона, протопоп Аввакум Петрович (из го-

рода Юрьевца), был непоколебимо убежден в правоте своих старозаветных религиозных взглядов и не обнаруживал ни малейшего желания исполнять «нечестивые» приказания религиозных реформаторов. Патриарха Никона Аввакум считает и именует «борзым кобелем, отступником и еретиком», а «с еретиком какой мир? Бранися (т. е. борись) с ним и до смерти, не повинуйся его уму развращенному». При таком настроении двух противных сторон ни примирение, ни соглашение между ними не были возможными. Церковный Собор 1666–1667 годов (уже после падения Никона) проклял старообрядцев как еретиков и отлучил их от Церкви, светская власть пришла на помощь церковной для искоренения «ереси», и эта прискорбная междоусобная борьба омрачала историю Русской Церкви и русского народа в течение последовавших двух столетий.

Весьма важным источником для истории возникновения раскола и для русской церковной истории вообще является автобиография протопопа Аввакума: «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Это не только важный памятник церковной истории, но и замечательное литературное произведение, написанное живым и выразительным народным языком². Житие Аввакума сохранилось во многих рукописных списках и в XIX–XX веках было многократно издано и переиздано. Ввиду важности Жития для истории Церкви и литературы я приведу ряд его изданий: *Н. Тихонравов*. Летописи русской литературы. Т. III. Отд. II. М., 1861. С. 117–173; Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. V / Под ред. Н. Субботина. С. 1–113, М., 1879; *А. К. Бороздин*. Протопоп Аввакум. 2-е изд. СПб., 1900. Приложение № 25. С. 71–116; Памятники первых лет русского старообрядчества / Под ред. Я. Л. Барскова. СПб., 1912. С. 163–228; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. Импер.

Археографической комиссии / Под ред. В. Г. Дружинина. Петроград, 1916; Русская Историческая Библиотека. Т. 39. Изд. Историко-археографической комиссии АН СССР. Ленинград, 1927: Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1-я. Вып. 1: Житие протопопа Аввакума в трех редакциях, с предисловием Я. Л. Барскова, столбцы 1–240; *Протопоп Аввакум*. Житие. Челобитные к царю. Переписка с боярыней Морозовой. Париж, 1951; Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960³.

В течение второй половины XIX и в XX веке было издано множество памятников и материалов по истории старообрядчества и сектантства под редакцией Я. Л. Барскова, Е. В. Барсова, В. Д. Бонч-Бруевича, В. Г. Дружинина, Н. Попова, Н. И. Субботина⁴.

При существовании строгой цензуры, то есть до конца царствования Императора Николая I (1855), авторы-старообрядцы (или сочувствовавшие расколу) не могли легально издавать свои богословские или исторические книги, и история раскола трактовалась только в исторических или полемических сочинениях православных авторов «духовного сословия».

Начало этого рода литературе было положено трудом митрополита Ростовского **Димитрия** (Туптало, 1651–1709) под заглавием: «Розыск о раскольнической брынской вере, о учении и о делах их, в котором показано, яко вера их не права, учение их душевредно и дела их не богоугодны». Митрополит Димитрий окончил свой труд незадолго до своей смерти (1709), а издан он был впервые в 1745 году, а в новом издании книга эта (напечатанная в Московской Синодальной типографии) вышла в 1803 году. Заглавие книги митрополита Димитрия достаточно ясно говорит о ее содержании и цели.

В течение первой половины XIX века появилось несколько сочинений духов-

ных авторов, направленных на обличение раскола, а в конце этого периода (1855) вышла книга епископа Винницкого и ректора Петербургской Духовной академии **Макария** (впоследствии митрополита Московского и автора монументальной «Истории Русской Церкви»): «История русского раскола, известного под именем старообрядства» (СПб., 1855). В первой части книги автор рассматривает «семена и зародыши» раскола, то есть религиозные разномыслия, начиная с XV века, потом подробно излагает историю раскола, начавшегося в 1667 году. Книга полна фактического содержания, лишена острополюемического тона и заканчивается молитвенным пожеланием о воссоединении раскольников с Православною Церковью.

Книги духовных авторов трактовали раскол только с точки зрения **религиозных** разногласий между православными и раскольниками. Совершенно новый подход к истории раскола дается в книге казанского профессора **А. П. Шапова**: «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской Церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века: Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения раскола» (Казань, 1859). Я приведу несколько цитат из предисловия к книге Шапова, ибо книга эта послужила исходным пунктом для новой трактовки раскола в русской исторической и публицистической литературе. Автор признает, что «главным первоначальным источником раскола» была «суеверная привязанность» (московского общества) к одной внешней обрядности без духа веры, но указывает и иные причины успешного распространения раскола: «Церковно-гражданский демократизм раскола под покровом мистико-апокалиптического символизма, отрицание реформы Петра Великого, восстание против иноземных начал русской жизни,

против Империи и правительства, смелый протест против подушных переписей, податей и “даней многих”, против рекрутства, крепостного права, областного начальства и т. п. — это многозначительное выражение народного взгляда на общественный и государственный порядок России, проявление недовольства низших классов народа, плод болезненного, страдательного, раздраженного состояния духа народного» (предисловие, с. II). Впрочем, раскол сам по себе не внушает Шапову особых симпатий: он есть «темная сторона нравственного и общественного развития нашего народа, плод и выражение крайней недостаточности нравственного влияния духовенства на народ и отсутствия народного просвещения и воспитания». Сила раскола, по мнению Шапова, заключается не в его внешнем характере как религиозно-обрядовой секты, «сила русского раскола заключается главным образом в его религиозно-гражданском демократизме», «когда он перешел из сферы собственно церковной в сферу гражданской народной жизни» (с. 55). При Петре Великом «раскол еще более усилился, осложнился и явно и окончательно принял характер религиозно-национально-демократический» (с. 103); «принял характер народно-демократической оппозиции против преобразования России в европейскую империю, против нового европейского устройства и направления внутренней жизни России» (с. 131). «Как откол древней отжившей России раскол окончательно отпал от новой, Петром Великим устроенной России». И в предисловии к своему труду Шапов пишет: «В расколе сохранился, так сказать, окаменелый откол древней России».

В нескольких главах своего труда Шапов описывает исторически сложившиеся слабости и недостатки церковной, общественной и государственной жизни России, способствовавшие возникновению и распространению раскола.

Однако, как видно из приведенных выше цитат, Щапов в это время не считал раскол положительным и прогрессивным явлением, а в споре Аввакума и Никона он явно стоит на стороне последнего: «Вселенские Патриархи все единодушно и единогласно одобрили и утвердили великое дело Патриарха Никона и самого его признали великим ревнителем Церкви Православной» (с. 53), Никон был «наш великий пастырь, истинно замечательный гений своего века» (с. 56), «строгий ревнитель правды» (с. 339), устроитель благолепия в церквах и благочиния в церковном богослужении (с. 320, 331 и др.).

Если в 1855–1858 годах Щапов характеризовал раскол как «окаменелый откол отжившей России», то в течение немногих ближайших лет его убеждения значительно передвинулись в сторону демократического народничества. В брошюре «Земство и раскол» (СПб., 1862) Щапов понимает земство в народническо-славянофильском духе, как всю народную массу, противопоставляемую правительству и высшим сословиям (на официальном языке XVIII–XIX веков эта масса называлась податными сословиями, в отличие от высших сословий, не плативших подушной подати). В XVII–XVIII веках «тяглые земские люди, — пишет Щапов, — чувствовали скорбь и тяготу от тягла государевой казны, от злоупотреблений государевых чиновников, от насилия бояр» (с. 3). Раскол есть «могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя — церковного и гражданского» (с. 28). Расколоучители и последователи раскола «появились во всех слоях массы народной», включая богатых купцов, которые своими капиталами поддерживали, устраивали и усиливали раскольничьи общины (с. 35).

Здесь раскол представляется уже не «окаменелым отколком древней России» (как в предисловии к книге, издан-

ной в 1859 году), а могучим оппозиционным движением народной массы против политического, социального и церковного угнетения⁵.

Знаток религиозной жизни и домашнего быта раскольников был известный писатель-этнограф Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский) (1819–1883). По должности чиновника (для особых поручений при нижегородском губернаторе (в царствование Николая I) он принимал непосредственное участие в правительственном надзоре над раскольниками и близко изучил их жизнь и характер и по документальным данным, и по личным наблюдениям. Будучи по должности одним из притеснителей раскола, Мельников по окончании мрачного николаевского царствования высказался (в официальной записке о состоянии раскола) за политику полной терпимости в отношении раскола и раскольников и в статье 1868 года писал, что при гражданском равноправии и при развитии народного образования раскол постепенно уничтожится: «...при том непременно условии, что система стеснений, оказавшаяся на опыте лишь способствовавшей к умножению раскольников и к усилению фанатизма раскола, никогда и ни в каком виде не будет восстанавливаема» (Полн. собр. соч. 2-е изд. 1909. Т. VII. С. 409).

В 1864 году вышла монография П. И. Мельникова «Исторические очерки поповщины» (включенная в VII том его сочинений, изданных в 1909 году). Написанная в популярно-литературном стиле, она, однако, обильно документирована многочисленными примечаниями с обширными цитатами из официальных источников и раскольничьих сочинений. Особенно подробно излагает автор «искание архиерейства» старообрядцами «поповцами» и историю Старообрядческого (Рогожского) кладбища в Москве, бывшего в течение первой половины XIX века духовным и экономическим средоточием «поповщины». Во главе

стояла группа богатых московских купцов, владевших фабриками, заводами и торговыми предприятиями и придававших «старой вере» значительный социально-экономический вес и влияние в окружающей среде. Бережливые, расчетливые, осторожные, противники роскоши и мотовства, они приумножали свои богатства, и «дети их не превращались из купцов, ворочавших миллионами, в промотавшихся дворян» (с. 207).

В 70-х годах П. И. Мельников выпустил в нескольких частях обширную серию бытовых очерков под заглавиями: «В лесах» и «На горах», содержащих, в беллетристической форме, подробное описание религиозных верований, быта и нравов старообрядцев и сектантов Поволжья («В лесах») и Приуралья («На горах»). В полном собрании его сочинений (1909) очерки «В лесах» составляют т. 2–3, «На горах» – т. 4–5. Тома эти были переизданы в 1963 году в московском (неполном) собрании сочинений П. И. Мельникова.

Неразумные, неморальные и несправедливые преследования, которым подвергала старообрядцев государственная и церковная власть, вызывали интерес и симпатию к ним и тех кругов позитивистской, либеральной и революционной интеллигенции, для которых было совершенно чуждо крепкое религиозное ядро старообрядчества. В 1870 году в Петербурге вышла книга **В. В. Андреева** «Раскол и его значение в народной русской истории». Автор начинает свое предисловие словами: «Последователи раскола – бесспорно, вместе и представители нашего земства, нашей народной массы. Представители раскола – самая трезвая, работающая, промышленная и грамотная часть нашего крестьянства. Представители раскола – бесспорно, вместе (и) представители ума и гражданственности в русской простонародной среде» (с. III).

Религиозный элемент, по мнению автора, играл в возникновении раскола со-

вершенно второстепенную роль: «Неужели оттого, что одни крестились двумя перстами, чтили старопечатные книги... и пели сугубую аллилуию, а закон других предписывал трехперстное (крестное) знамение и тройную аллилуию... неужели от этого 10 миллионов народа отпали от прочей массы русского населения... Здравый смысл отказывается верить, чтобы раскол был следствием отступления во второстепенных подробностях религиозного догматизма и церковной обрядности. Нет, не эти отступления раскололи русский люд на две половины» (с. 1).

В действительности, по мнению автора, раскол был движением народного протеста против политического и социального угнетения – против отнятия центральной властью земских прав и введения крепостного права: «Отмена земских прав, завершенная окончательным закрепощением крестьян, – вот где надобно видеть источник раскола» (с. 10). «Крепостное право было главною причиною зарождения раскола как народного протеста» (с. VII)⁶, и в ответ на преобразования, произведенные в царствование Александра II, «раскол теряет свой прежний ожесточенно-оппозиционный характер» (с. 366).

Оригинальный взгляд на характер раскола и раскольников высказал известный историк **Н. И. Костомаров** в статье «История раскола и раскольников», помещенной в № 4 «Вестника Европы» за 1871 год (и впоследствии перепечатанной в XII томе его монографий). Костомаров решительно отказывается от обычного взгляда, который видит в расколе только слепую любовь к старине, бессмысленную привязанность к букве, умственную неподвижность, невежественную враждебность к просвещению. По мнению Костомарова, наоборот, в расколе русский народ проявил «своеобразную деятельность в области мысли и убеждения. Раскол был крупным явлением

народного умственного прогресса» (с. 469).

В отличие от раскольников именно «простолюдин православного вероисповедания, как его деда и прадеды, очень часто отличался холодностью к религии, невежеством и безучастием к области духовного развития» (с. 498). «Мы не согласимся с мнением, распространенным у нас издавна и сделавшимся, так сказать, ходячим, будто раскол есть старая Русь. Нет, раскол – явление новое, чуждое старой Руси. Раскольник не похож на старинного русского человека; гораздо более походит на него православный простолюдин. Раскольник гонялся за стариною, старался как бы точно держаться старины, – но он обольщался; раскол был явлением новой, а не древней жизни. В старинной Руси народ мало думал о религии, мало интересовался ею – раскольник же только и думал о религии, на ней сосредоточивался весь интерес его духовной жизни; в старинной Руси обряд был мертвою формою и исполнялся плохо – раскольник искал в нем смысла и старался исполнять его сколько возможно свято и точно; в старинной Руси знание грамоты было редкостью – раскольник читал и пытался создать себе учение; в старинной Руси господствовало отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету властвующих – раскольник любил мыслить, спорить, раскольник не успокоил себя мыслию, что если приказано сверху так-то верить, так-то молиться, то, стало быть, так и следует; раскольник хотел сделать собственную совесть судьей приказания, раскольник пытался сам все проверить, исследовать» (с. 498–499). «Но совершенно справедлива другая, также господствующая у нас мысль, что раскол поддерживается и прежде поддерживался отсутствием народного образования и что просвещение есть единственное средство к его искоренению» (с. 499). При всех своих заблуждениях

раскол представлял собой «своеобразный, хотя несовершенный и неправильный, орган народного самообразования» (с. 500).

На рубеже XIX и XX веков компетентным исследователем в области истории раскола и сектантства был профессор **А. К. Бороздин**. В своей монографии «Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в.» (1-е изд. 1898; 2-е, испр. и доп. СПб., 1900) автор не только подробно описывает жизнь и труды главного расколуучителя, но и дает общую характеристику раскола, который он признает в основе движением религиозным, а отнюдь не социально-политическим; книга содержит много приложений, включая «Житие» Аввакума. Когда правительство начало жестокие преследования раскола, тогда в среде раскольников был поднят вопрос: можно ли молиться за царя, гонителя правой веры? «С этого-то момента раскол и получает окраску социального протеста, хотя основание протеста всегда остается чисто церковным: светское правительство признавалось нечестивым, отрекшимся от истинной веры, и вследствие этого для некоторых оно утрачивало свой авторитет; началась проповедь сопротивления светской власти и всему от нее исходящему (сопротивления по необходимости пассивного, но могущего при благоприятных обстоятельствах стать и активным); эта проповедь усиливалась по мере того, как возрастал наплыв западных новшеств и параллельно с усилением правительственной репрессии; однако при этом не следует забывать (а в этом и была коренная ошибка теории Щапова), что социальный протест направлялся не против правительства как такового, а исключительно только против правительства, признанного нечестивым; точно так же и национальный элемент, играя выдающуюся роль в возникновении и развитии раскола, тем не менее подчи-

нялся в глазах расколоучителей чисто религиозным побуждением охраны старой, правой веры, каковою в силу прежних традиций признавалась только русская вера, сохранившая в неприкосновенности учение и обряды Вселенской Церкви» (с. 144).

Подводя итоги своему исследованию, профессор А. К. Бороздин формулирует их в 13 пунктах заключения, из коих п. 1-й гласит: «Движение, выразившееся в деятельности Аввакума, было чисто религиозного характера, национальный же и социальный элементы, значения которых нельзя отрицать, играют роль подчиненную... Протест против царской власти, будучи сам по себе явлением нерелигиозным, истекал из религиозных мотивов, так как власть отпала от Православия» (с. 319).

Плодовитым писателем по вопросам раскола и сектантства и усердным собирателем материалов был **А. С. Пругавин**. Мы приведем несколько цитат из его книжки «Раскол и сектантство в русской народной жизни» (М., 1905), чтобы показать, с какой нежной симпатией относились наши левые публицисты к расколу-сектантству, не утруждая себя тем, чтобы разграничить эти два далеко не одинаковые и не однородные движения.

«Раскол – это целый религиозно-бытовой культ, выработанный и созданный историческим процессом русской народной жизни. В нем самым поразительным образом перемешиваются идеи и стремления чисто религиозные с вопросами и стремлениями чисто бытового, социального склада и характера» (с. 9). В расколе проявляется стремление проснувшейся народной мысли к свету, свободе и простору (с. 13–14). При Петре «народ оттолкнул нововведения, которые навязывала ему власть, потому что они ничего не давали ему, кроме страшного гнета, непосильных податей... солдатчины, рекрутства, паспортов и т. п.» (с. 16).

«В первое время развития раскола думали покончить с ним жестокими гонениями и преследованиями. Это не удалось. Раскол не только не ослабел, наоборот, он разросся, пустил корни всюду, он охватил большую часть России, проник в столицы, укрепился на окраинах, свил гнездо в самом сердце России. Гонения сослужили службу мхов, которые раздули искры в огонь, в страшное пламя, и это пламя охватило половину России» (с. 89).

Раскол развил огромную культурно-просветительную деятельность: «У раскольников есть свои школы, свои учителя, своя литература. Будучи совершенно лишены права открыто печатать и издавать свои книги, они заводят тайные типографии и организуют это дело так, что, несмотря на строгий надзор полиции, духовных и гражданских властей, типографии эти существуют целые десятки лет и издают целые тысячи томов» (с. 91) [?].

«Сектантство не только растет, но и прогрессирует. Учения раскола, вылившиеся непосредственно из народного духа, не представляют собою чего-нибудь неподвижного, постоянного... Нет! Дробясь и видоизменяясь, разные учения раскола постоянно принимают в себя новые влияния, поглощают новые идеи и направления, которые не дают им застыть, окоченеть и заглохнуть, которые обновляют их, внося с собою новые силы, новую энергию и живучесть» (с. 93).

«Во всех движениях религиозно-этического характера мы видим горячее, искреннее стремление народа добиться истины, правды» (с. 94).

В понятие раскола Пругавин, очевидно, включает не только раскольников-старообрядцев, но и все мистические и рационалистические секты, жизнь и учения которых он знал не только по письменным и печатным источникам, но и по личным наблюдениям и впечатлениям, вращаясь среди своих сектант-

ских друзей и знакомых, и его восторженное преклонение перед сектантскими апостолами «правды-истины» относится гораздо больше к «новым идеям» этих сект, чем к твердому обрядовому благочестию последователей протопопа Аввакума.

Историк и публицист **С. П. Мельгунов** (один из лидеров партии народных социалистов) в своей книге «Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв.» (М.: изд. «Задруга», 1922) подчеркивает связь раскола с социально-политическими движениями протеста в это время. Автор утверждает, что в XVII веке раскол «охватил широкие народные массы» (с. 70) и «явился крупным явлением в умственной жизни народа... В расколе впервые (так!) пробуждается чувство сознательной религиозности» (с. 76). Раскол переплетается с народными движениями против «приказного и крепостнического строя», и политическим знаменем этого брожения является «старая вера» (с. 129). «Раскол и мятежи стоят в неразрывной связи друг с другом» (с. 69).

В последние десятилетия XIX и в начале XX века в России было опубликовано много книг и статей (в духовных и светских журналах), посвященных расколу и сектантству. Сочинения духовных авторов или профессоров Духовных академий, естественно, относятся к движениям раскола и сектантства критически; светские авторы, оппозиционно настроенные против правительства, относятся к этим движениям сочувственно, как к движениям оппозиционным и подвергающимся правительственным преследованиям.

В эпоху думской монархии (1906–1916), когда всякие преследования раскольников прекратились и в России водворилась полная свобода книгопечатания, явилась и третья категория авторов – старообрядцы, писавшие и издававшие книги в защиту старой веры и ее традиций.

В настоящем кратком очерке мы, конечно, не имеем возможности дать обзор этой обширной «трехсторонней» литературы и приводим ниже лишь список относящихся к старообрядчеству книг в дополнение к тем книгам, о которых сказано (или упомянуто) выше.

Последним словом (по крайней мере, хронологически) русской исторической науки в отношении изучения раскола была книга современного русско-американского историка профессора **С. А. Зеньковского**: «Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века» (Мюнхен, 1970). В начале книги автор представляет краткий историографический обзор, а затем излагает последовательно: общественно-церковную психологию эпохи; дониконовские попытки устранения неполадок в Церкви и в церковном богослужении, принятые группой протопопов-ревнителей, или «боголюбцев» (включая Аввакума); борьбу византийских и западных влияний в Москве – и затем подробно излагает церковную реформу Патриарха Никона, к которой относится резко отрицательно: «Попытка Никона переделать русский обряд на новогреческий лад была совершенно излишней и бессмысленной» и оскорбляла «преданность боголюбцев русской литургической традиции» (с. 210). Изменения, внесенные в новый Служебник, «в большинстве случаев были не нужны и крайне спорны, так как обосновывались на более поздних греческих текстах, чем русские печатные издания» (с. 225). Большая, 5-я, глава книги (с. 258–374) подробно описывает возникновение церковного раскола и деятельность Аввакума; глава 6-я – рост старообрядчества и деление на толки (с. 375–486).

В заключительных словах своей книги автор пишет: «Теперь судить, конечно, трудно, но надо полагать, что, не будь нелепых затеек (так!) неистового Никона, русские церковные трудности не приняли бы такого трагиче-

ского оборота, какой они приняли в результате введения нового обряда». «Знамя защиты русской веры создано как безрассудностью Патриарха Никона, так и упорной поддержкой его нововведений царем и правящим классом» (с. 496).

Следует только заметить, что термин «неистовый» вполне приложим и к главному противнику Никона, протопопу Аввакуму, который в своих писаниях красочно пишет о том, как он расправился бы с «собаками никонианами», если бы взял верх над ними...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впрочем, В. О. Ключевский нашел прочувствованные слова в объяснение и защиту обрядов: «Религиозное мирозерцание и настроение каждого общества неразрывно связаны с текстами и обрядами, их воспитавшими». «Обряд или текст – это своего рода фонограф, в котором застыл нравственный момент, когда-то вызывавший в людях добрые дела и чувства» (Курс русской истории. Ч. III. Лекция 54).

² В начале своего «Жития» Аввакум предупреждает читателя о его простонародном стиле: «...понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить» (А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Приложение № 25. С. 71).

³ Протопопу Аввакуму было посвящено несколько биографических трудов (помимо житийной литературы старообрядческих авторов, почитавших Аввакума как священикомученика и духовного отца старообрядчества): А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. 2-е изд. СПб., 1900; В. А. Мякотин. Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность. СПб., 1894; С. П. Мельгунов. Великий подвижник протопоп Аввакум. М., 1907.

⁴ Список их см. в книге: Robert O. Crumney. The Old Believers and the World of Antichrist. Madison, Wisconsin, 1970. P. 230–234.

⁵ Книга А. П. Шапова о расколе (1859) и его брошюра «Земство и раскол» (1862) были перепечатаны в собрании его сочинений: Т. 1. СПб., 1906. С. 173–450 и 451–504.

⁶ Заметим мимоходом, что раскол пользовался особым успехом среди крестьянства северных областей, где помещиков и крепостного права вовсе не было.

КРАТКИЙ СПИСОК КНИГ ПО ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА (кроме упомянутых в тексте и в примечаниях)

Андерсон В. М. Старообрядчество и сектантство: Исторический очерк русского религиозного разномыслия. СПб., 1909.

Бороздин А. К. Русское религиозное разномыслие: Сборник статей. СПб., 1907.

Голубинский Е. Е. К нашей полемике с старообрядцами. 2-е, изд. М., 1905.

Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889 (перепеч. изд-вом «Мутон», 1970).

Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Казань, 1889; 1897.

Карлович В. Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев. Т. I–III. М., 1881–1886.

Кельсиев В. И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Т. I–V. Лондон, 1860–1862.

Кириллов И. А. Правда старой веры. М., 1916.

Плотников К. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1914.

Пругавин А. С. Старообрядчество во 2-й половине XIX в. М., 1904.

Раскол – сектантство: Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа. Вып. 1: Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887.

Рыбаков А. С. Старая вера: Старообрядческая хрестоматия. М., 1914.

Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе со 2-й половины XVII в. до конца XVIII в. М., 1891 (и в «Чтениях» Московского общества истории и древностей. 1891. Кн. III–IV).

- Сахаров Ф. К. Литература истории и обличения русского раскола. Т. I–III. Тамбов, 1887; СПб., 1892–1900.
- Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. Т. I–II. М., 1908–1912.
- Смирнов П. С. (профессор СПб. Духовной академии). История русского раскола старообрядства. Рязань, 1893; СПб., 1895; 1903.
- Смирнов П. С. Происхождение самосожжения в русском расколе. СПб., 1895.
- Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
- Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888 (история Иргизских раскольничьих монастырей).
- Стрельбицкий И. X. История раскола, известного под именем старообрядчества. 3-е изд. Одесса, 1898.
- Субботин Н. И. Современные движения в расколе. М., 1865.

- The Life of the Archpriest Avvakum by Himself. With a Preface by Prince D. S. Mirsky. London, 1924; reprinted: Archon Books, Hamden, Conn, 1963.
- Bolshakoff S. Russian Nonconformity: the Story of Unofficial Religion in Russia. Philadelphia, 1950.
- Conybeare Frederic C. Russian Dissenters. Harvard U. Press, 1921.
- Crummey R. O. Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and the Russian State, 1694–1855. Wisconsin U. Press, 1970.
- Pascal Pierre. Avvakum et les débuts du Raskol. Paris, 1938; 1963.

С. ПУШКАРЕВ

История Церкви*

В этой главе будет идти речь об историках Русской Православной Церкви и старообрядчества.

Об истории русских сект я буду говорить только вскользь, когда и если это будет нужно в связи с мнениями того или другого историка Церкви. Русское сектантство – особая область.

Специально богословских вопросов я буду касаться только тогда, когда это необходимо для характеристики исторической мысли в рамках церковной истории.

Первым крупным историком Русской Церкви, проложившим пути для дальнейших исследований, был митрополит **Макарий (Булгаков)** (1816–1882)**.

Михаил Петрович Булгаков (будущий митрополит Макарий) родился в селе

Сурково Новооскольского уезда Курской губернии. Отец его, священник села Суркова, скончался в молодых годах, оставив после себя вдову и шесть сирот без всяких средств.

Учился Михаил в приходском Духовном училище в городе Короча, а потом в Окружном уездном Духовном училище в Белгороде и Белгородской семинарии. В семинарии он хорошо усвоил языки, в частности французский. Будучи в семинарии, Михаил Петрович прочел «Историю» Карамзина и увлекся поэзией Жуковского, произведениям которого не без некоторого успеха подражал.

В 1837 году Михаил Булгаков поступил в Киевскую Духовную академию. Получил степень магистра за сочинение

* В заключение работы Сергея Германовича Пушкарева публикуем главы, написанные Г. В. Вернадским, – о митрополите Макарии (Булгакове) и профессоре Е. Е. Голубинском. Закончил главу профессор Пушкарев, так как профессор Вернадский скоропостижно скончался в 1973 году. – Прим. ред.

** См.: *Приселков М. Д.* Митрополит Макарий (Булгаков) // *Русский исторический журнал*. 1918. № 5. С. 177–196. Список сочинений Макария.

«История Киевской Духовной академии». Напечатано оно было в 1843 году.

В годы своего пребывания в Академии почувствовал призвание к монашеству и в феврале 1841 года был пострижен, получив имя Макарий. По окончании Академии Макарий был оставлен бакалавром при кафедре русской и церковной истории.

В следующем году он был переведен в Петербургскую Духовную академию. В 1843 году он был назначен экстраординарным профессором, а через год ординарным профессором богословия. Кроме того, состоял членом различных комитетов и комиссий по духовному ведомству.

В 1847 году издал свои лекции по основному богословию под заглавием «Введение в православное богословие». За этот труд он получил степень доктора богословия.

За этим последовало его «Догматическое богословие» (1851–1853). Это – попытка научной классификации накопившегося догматического материала, который Макарий подвергает строжайшему объединению, принимая все пригодное и устраняя обветшалое. Так был подведен итог всему предшествовавшему развитию догматического богословия в России.

В 1854 году Макарий был избран ординарным членом Академии наук.

Три года спустя он был назначен епархиальным епископом в Тамбов. В 1859 году перемещен на Харьковскую кафедру, в 1868 году на Литовскую, а в 1879 году назначен митрополитом Московским.

В 1854 году вышла его «История русского раскола старообрядства» – плод занятий его по должности наставника миссионерского противораскольничьего класса в Петербургской Духовной академии.

Это чисто полемическое, обличительное сочинение. В своей критике реформ церковного обряда, введенных Патри-

архом Никоном в XVII веке, старообрядцы опирались на решения Стоглавого Собора 1551 года и одобренный им сборник церковных постановлений, известный под заголовком «Стоглав». Макарий выносит суровый приговор этому памятнику русской церковной старины.

Но Макарий был писателем необыкновенной научной добросовестности. Когда позже он глубже вник в дело, то не колеблясь переменил свое мнение. В VI томе своей «Истории Русской Церкви» он дал совершенно иную оценку «Стоглава».

«Подлинность ее (книги “Стоглава”), как книги “соборной” и заключающей в себе действительные постановления (каноны) Стоглавого Собора, или “соборное уложение”... “представляется нам ныне несомненной”».

Уже в 1840-х годах Макарий задумал написать историю Русской Церкви, но преподавание и другие обязанности в Петербургской Духовной академии, а затем обязанности епархиального архиерея в различных городах сильно задерживали его работу.

В основу построения своей истории Макарий положил единый принцип: Русская Церковь не есть самодовлеющее целое; она – часть единой вселенской апостольской соборной Церкви, почему история Русской Церкви состоит в ее отношениях к Церкви Вселенской.

Свою историю Макарий разделил на три периода: 1) Русская Церковь в зависимости от Константинопольского Патриарха (992–1448), 2) Русская Церковь (1448–1588), 3) время Патриаршества. За этим должно было следовать время синодального управления. Довести до конца свой монументальный труд Макарий не успел. В XII и незаконченном XIII томе он начал историю времени от Никона до Синода.

В первых шести томах его истории, а отчасти и дальше Макарию пришлось быть и исследователем, и разыскателем рукописных материалов. Приложения к

этим томам, где напечатаны обнаруженные Макарием памятники, были рядом сенсационных открытий и до сих пор привлекают к себе историков.

Е. Е. Голубинский (1834–1912).

Евгений Евстигнеевич Голубинский родился в Костромской губернии в семье священника*.

Воспитывался в Солигаличском Духовном училище, потом в Костромской Духовной семинарии, а затем в Московской Духовной академии (кончил ее в 1858 году). Получил там степень магистра, был определен бакалавром русской церковной истории и немецкого языка.

В 1870 году возведен был в звание экстраординарного профессора. В 1880 году, после защиты диссертации «История Русской Церкви» (т. I, первая половина (домонгольский период)) получил степень доктора богословия и избран в члены-корреспонденты Академии наук, а в 1903-м – ординарным академиком.

Главный ученый труд Голубинского: «История Русской Церкви» (т. I, в двух половинах (1880); т. II, в двух половинах).

Первая издана в 1900 году; вторая, выпуск первый, вышла в свет под редакцией С. А. Белокурова. Изложение доведено до митрополита Макария (1542–1562) включительно.

Другой крупный труд Голубинского – «История канонизации святых в Русской Церкви» (1903).

Кроме того, Голубинский написал «Краткий очерк истории Православной

Церкви Болгарской, Сербской и Румынской» (1871).

В 1905 году он поместил в «Чтениях в Обществе Истории и Древности» (Москва) статью «К нашей полемике со старообрядцами» (была издана и отдельно). В этой статье он высказал мнение, что наложивший клятвы на старообрядцев Собор 1667 года (с участием Восточных Патриархов) просто не разобрался, что расхождения между русскими и новогреческими уставами середины XVII века произошли не из-за ошибок русских, а благодаря изменениям устава самими греками.

Голубинский – в резких выражениях – настаивал на том, что истории должны писать без прикрас и без всякой идеализации прошлого.

«История бывает трех родов: **тухая**, принимающая все, что оставило нам прошлое время с именем исторического материала, за чистую монету и поэтому рассказывающая бабьи сказки; **лгушая**, которая не обманывается сама, но обманывает других, которая из разных практических побуждений представляет белое черным и черное белым, хулит достойное похвалы и хвалит достойное порицания и т.п.; и **настоящая**, которая стремится к тому, чтобы по возможности верно и по возможности обстоятельно узнавать прошлое и потом стараться также верно и обстоятельно воспроизводить его» (цитата из «Русской богословской науки в ее историческом развитии» Н. Н. Глубоковского).

Г. ВЕРНАДСКИЙ

* Биография Е. Е. Голубинского напечатана в «Материалах для библиографического словаря действительных членов Академии наук», часть I (Петроград, 1915). См. также *Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии*. Варшава, 1928.

Единство и многообразие в жизни Церкви

I. Понимание Церкви

Есть два важнейших видения Церкви, смешение которых, как правило, ведет к многим недоразумениям.

Первое из них, которое можно было бы назвать *теоцентрическим*, говорит, что Церковь есть *единство Духа Божия*, пребывающего в тех членах Церкви видимой, которые в своей жизни следуют Евангелию и таким образом входят в единство Тела Христова – Богочеловеческого Организма. Блаженный Феофилакт Болгарский пишет: «Не говори, что Церковь люди собрали. Она есть дело Бога, Бога живого и страшного». То же говорит и святой Экумений (X век): «Она Богом устроается, Богу посвящается и Бога имеет живущим в себе». Основными свойствами Церкви, выраженными в Никео-Цареградском Символе веры, являются: единство, святость, соборность, апостоличность. Эти характеристики указывают на определенную веру Церкви, принципы духовной жизни в ней и основы ее устройства. Принадлежность к «этой» Церкви определяется невидимой и неизмеримой человеческими мерками степенью святости человека. И самыми авторитетными ее членами являются духовно чистые христиане, независимо от их иерархического, административного, образовательного и прочих уровней. Это видение Церкви относится к ее существу и потому является первичным.

Второе, назовем его *антропоцентрическим*, говорит о Церкви как видимом *обществе* (организации) *людей*, имеющем единство веры и Евхаристи-

ческой Чаши, принципов духовной жизни и канонического устройства. Видимая Церковь представляет собой общину верующих, собранных вокруг епископа (вокруг епископов – Поместная и Вселенская Церковь). Членами «этой» Церкви являются все крещенные и канонически не исключенные из нее, а наиболее значимыми – лица, облеченные саном, обладающие властью и учеными степенями, независимо от святости (или порочности) их жизни. Однако такое понимание Церкви, при котором человеческое выдвигается в ней на первый план, отодвигая, соответственно, Божественное – на второй, заключает в себе серьезное искажение ее образа. Но именно это понимание Церкви присуще практически большинству не только неверующих, но и верующих.

Видимая Церковь (любая община, возглавляемая епископом, и их совокупность) в разной степени может соответствовать своему идеалу, поскольку, во-первых, способна уклониться от чистоты апостольской веры, во-вторых, не все христиане, номинально входящие в видимую Церковь, являются реальными членами Церкви – Тела Христова, осуществляют и выражают ее веру, оказываются верными свидетелями и исполнителями хранимой ею истины. Поэтому задача соответствия видимой Церкви Своему Первообразу – Богочеловечеству Христа – является вечно насущной проблемой ее жизни, затрагивающей, естественно, вопросы и ее единства, и многообразия форм ее жизни.

II. Проблема единства в Церкви

Поскольку Церковь как Тело Христова («теоцентрическая») одна, едина и неделима, то высшей целью христиан-

ских устремлений может конечно же быть не единство Церкви, но единство в Церкви. Это единство в ней возмож-

но на пути исцеления того разделения, которое исторически произошло в *видимой* Церкви («антропоцентрической») по причинам отпадения каких-то ее частей или от истины веры (ересь), или от истины любви (раскол).

Есть несколько вариантов понимания причин христианских разделений и восстановления единства.

1. Разделения возникли по причинам, не затрагивающим существа христианской веры и жизни каждой из современных церквей, которые потому все истинны, и проблема церковного единства может быть решена на пути простого взаимного признания церквями разных конфессий друг друга в качестве Поместных Церквей одной Церкви Христовой и таким образом восстановления зримого единства Вселенской Церкви.

2. Разделение вызвано утратой всеми Церквями без исключения какой-либо существенной части истины. Однако все вместе они по-прежнему обладают ее полнотой. Поэтому воссоздание внешнего зримого их единства без каких-либо предварительных условий восстановит в каждой из Церквей, независимо от их конфессиональной принадлежности, должную полноту истины и таким образом приведет всю Церковь к норме своего бытия.

3. Разделение обусловлено отпадением отдельных частей видимой Церкви (общин, церквей) от истины, хранимой одной из Церквей (конфессий), которая в настоящий момент и является Церковью в полном смысле этого слова. Поэтому и восстановление единства возможно лишь через присоединение к ней, то есть возвращение в Церковь.

Как можно оценить эти точки зрения?

Первый вариант, неправомерно сужая область церковных критериев, в частности в области веры до нереального минимума, по сути, обесценивает проблему Церкви и обмирщает саму идею единства. Здесь фактически речь идет лишь о внешнем, так называемом *зримом* единстве христиан разных кон-

фессий, а не о стремлении к воссозданию в своих Церквях всего утраченного ими в вере и жизни и соединению в истине Христовой. Но, во-первых, что может дать такое зримое единство без внутреннего – не более как лишь видимость единства христиан, мало чем отличающегося от того единства язычников (не верящих ни во Христа, ни в Его Церковь), которого они также усиленно ищут во многих областях человеческой жизни, в том числе и в религиозной. Во-вторых, такое зримое единство, не имея внутреннего стержня, было бы очень непрочным, эфемерным.

В связи с этим необходимо заметить, что сама идея так называемого *зримого* церковного единства, провозглашаемая в качестве основной цели экуменического движения, по существу дезориентирует христианское сознание и направляет его в ложное русло. Церковь создана с одной и единственной целью: освящения и спасения всех тех, которые во Христе увидели истинного Спасителя от своих страстей. Таковые христиане в меру своей ревности общаются Духу Святому, в Котором только они и становятся подлинно едиными. Это внутреннее единство изначально приобретало свои зримые церковно-организационные формы. Так, возникали христианские общины, рождались Поместные Церкви, пребывающие в кафолическом единстве, выражающемся в Евхаристическом общении. Такое единство носило органический характер, поскольку обусловлено было святостью, *то есть чистотой веры и основой жизни и деятельности самих Церквей*. Таким образом, внешнее единство Церквей, общин и христиан было закономерным следствием единства внутреннего.

Принципиальная ошибка экуменического движения заключается в том, что оно поставило своей целью не святость Церквей, в которой заключено их истинное единство, а внешнее, *зримое* единство само по себе, поскольку в свято-

сти, по-видимому, сомнений нет. Повторяется без конца все тот же изначальный человеческий грех – получить, сорвать плод без законного труда (Ср.: «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться» (2 Тим. 2, 5)). В результате зримое единство как цель не только обесмысливается, но и становится фактором, отвлекающим христиан от подлинной цели жизни и деятельности.

Второй – «забывает», что из простого смешения множества разномыслий невозможно получить единомыслие, тем более полноту истины. Истина Церкви не есть некий математический результат, образующийся в результате сложения многообразных верований. Церковь – не какой-то абстрактный объект, который можно составить из различных идейных элементов, но цело-

стная, неделимая, органичная реальность. Поэтому она *есть* и ее следует искать, а не воссоздавать.

Третий вариант избегает предыдущих ошибок, однако несет в себе непростую проблему критериев, по которым можно было бы судить об истинности конкретной Церкви. Очевидно, эта проблема разрешима лишь через обращение к учению Единой Церкви эпохи Соборов. Подобное обращение предполагает выявление и «расшифровку» трех ее объективных признаков: догматического учения, принципов духовной жизни и основ канонического устройства. Несомненно, только ясное представление этих трех измерений Церкви даст возможность надлежащего суждения о причастности любой христианской Церкви Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

III. Многообразие в Церкви

Если бы богословам удалось (а им это конечно же никогда не удастся) договориться о предметном содержании указанных трех признаков – критериев истинности Церкви, то вопросы и о единстве в Церкви, и о допустимых границах многообразия форм церковной жизни были бы решены в принципе. В конечном счете ни у кого не вызывает сомнений и все принимают классическое правило истинных взаимоотношений Церквей святого Викентия Лирийского: «*In necessariis – unitas, in dubiis – libertas, in omnibus – caritas*. В главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь». Но основная проблема в том и состоит, что христианским Церквям, долгое время находившимся в разделении, теперь очень трудно достичь согласия в вопросе: что считать главным, а что второстепенным?

В современном диалоге найдется немало вопросов, свидетельствующих об этой, часто непреодолимой трудности. Вот несколько иллюстраций.

1. Для православных соборное устройство Церкви, под которым, в частности,

подразумевается братское равенство всех Поместных Церквей и их предстоятелей в решении любых общецерковных вопросов, является безусловной истиной (то есть относится к категории «главного»). И в этом контексте для православных не было бы, например, проблемой (то есть это относилось бы к категории «второстепенного») видеть в таком же качестве Римскую Церковь и ее предстоятеля, который возглавлял бы отдельные западные церкви по их согласию. Но так ли смотрят на это католики?

2. Или вопрос о принципах духовной жизни. Он, к сожалению, никогда не звучит на экуменических встречах. Подразумевается, что духовная жизнь – дело исключительно личное и каких-то бесспорных объективных законов в ней нет и быть не должно. То есть, по существу, данный вопрос отнесен к категории «второстепенного», в котором царит полная неопределенность. Но в Православии (если иметь в виду суждения святых, а не сколь угодно различные мнения богословов) он относится к области «главных», даже самых глав-

ных, поскольку очевидно, что при неверном понимании духовной жизни само вероучительное правоверие, естественно, не принесет никакой пользы.

Для православных духовный путь западных святых – это путь заблуждения. Вот одно из ярких высказываний известного русского подвижника прошлого столетия святителя Игнатия Брянчанинова о католических святых: «Оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения. Читающий их непременно заражается духом прелести... Восточные и все чада Вселенской Церкви идут к святине и чистоте путем совершенно противоположным вышеприведенному: умерщвлением чувств, крови, воображения...» (Собрание писем. М. – СПб., 1995. С. 322).

Для западной же традиции многие ее аскеты, идущие именно этим мистическим путем, являются действительно святыми и нередко даже величайшими святыми, учителями Церкви (например, Франциск Ассизский, Катарина Сиенская, Тереза Авильская, Игнатий Лойола, Тереза Младенца Иисуса и др.). При этом западная традиция, хотя и не осуждает духовный путь православных святых, однако им и не следует.

В чем причина такого серьезного несогласия в столь жизненно важном вопросе – это отдельная тема, требующая специального рассмотрения. Здесь можно лишь в качестве иллюстрации привести наиболее часто встречающиеся ответы с обеих сторон. С восточной: католическая сторона игнорирует основополагающие принципы духовной жизни, не соблюдает «правил движения» и потому ей «всё хорошо» и «все хороши». С западной: православные очень узко смотрят на проявления духовной жизни, ограничивают ее лишь одним своим традиционным путем и забывают о том, что «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3; 8). Таким образом, в вопросе о принципах духовной жизни

и понимания христианской святости и совершенства мы вновь оказываемся перед трудной проблемой «содержания и формы», «главного» и «второстепенного».

3. Еще одна из столь же проблемных иллюстраций многообразия проявлений современной церковной жизни – это все шире распространяющийся интеркоммунион.

Если для многих западных церквей интеркоммунион является проявлением так называемого евхаристического «гостеприимства» и любви к христианам других конфессий и рассматривается как одно из средств достижения единства христиан и Церквей, то для православных единая Чаша является свидетельством единства веры и актуализацией единства жизни в Церкви. Взаимное единение в причащении прежде канонически утвержденного высшей церковной властью межцерковного единства подобно незаконному единению в любви (в отличие от законного – в браке), но осуществленному на гораздо более глубоком уровне – мистическом и потому особенно поражающему дух человека.

Приведенные иллюстрации, которые можно без конца умножать, свидетельствуют об очень непростых вопросах, связанных с проблемой многообразия. Что есть главное, а что – второстепенное в океане церковной жизни? Что есть форма, а что – содержание? Какие проявления церковной жизни выражают апостольскую веру и способствуют ее проповеди, а какие свидетельствуют о ее деградации в данной Церкви, искажают и тормозят ее? В какой степени различие форм препятствует взаимопониманию или, напротив, стимулирует диалог?

Естественно, этими вопросами не исчерпывается круг проблем, связанных с многообразной реальностью жизни Церкви как внутренней, так и обращенной к внешнему миру. Но уже они свидетельствуют о масштабности этой темы и ее насущности в современном межконфессиональном диалоге.

А. ОСИПОВ, профессор МДА

ЦЕРКОВНАЯ МУЗЫКА

Тропарь Почаевской иконе Божией Матери

Напев Почаевской лавры*

Не спеша

G.1, T.1
G.2, T.2
А.

Пред свя - то - ю Тво - е - ю и - ко - но - ю, Вла - ды - чи - це,

Б.

мо - ля - щи - н - ся ис - це - ле - ний спо - до - бля - ют - ся,

ве - ры ис - тин - ны - я по - зна - ни - е при - ем - лют и

а - га - рян - ска - я на - шест - вн - я от - ра - жа - ют.

* Изложение священника Александра Машкова

Тем - же и нам, к Те - бе при - па - да - ю - щим,

гре - хов ос - тав ле - ни - е ис - про - си, по - мыс - лы бла - го -

че - сти - я серд - ца на - ша про - све - ти,

и к Сы - ну Тво - е - му мо - лит - ву воз - не - си

о спа - се - ни - и душ на - ших.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
1998